



Любовь Мифнер

Избранное

Рассказы, очерки,
повести
и стихотворения

Любовь Шифнер

**Избранное. Рассказы, очерки,
повести и стихотворения**

«Издательские решения»

Шифнер Л.

Избранное. Рассказы, очерки, повести и стихотворения /
Л. Шифнер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966586-7

Темы произведений взяты из жизни. В рассказах присутствует юмор или грустная ирония. Различные судьбы у героев, но всех их объединяет стремление к счастью.

ISBN 978-5-44-966586-7

© Шифнер Л.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Как меня замуж выдавали	6
Годы знаний и надежд	9
Охота на бабочек	13
Визит из прошлого	15
Искушение	22
Мечтала девочка о замках	28
Шапка	31
Если женщина просит	35
Кавалер по вызову	38
Как можно ревновать к солнцу?	40
Эх, Вася!	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Избранное Рассказы, очерки, повести и стихотворения

Любовь Шифнер

© Любовь Шифнер, 2019

ISBN 978-5-4496-6586-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Как меня замуж выдавали

Давно это было, в послевоенное время. Мне было уже за двадцать годков, а серьёзных предложений о замужестве не получала. Да и некогда было невеститься. Оставшись без отца и матери в четырнадцать лет в трудные военные годы, должна была заботиться не только о себе, но и о своих двоих младших братьях и старшем брате-инвалиде, потерявшем зрение. Пришлось сначала работать на ткацкой фабрике и делиться с ними жалким пайком. Потом окончила курсы поваров. Работа на кухне позволила не падать в обморок от голода, а свой продовольственный паёк отдавать братьям.

Была у нас и старшая сестрица, по тем временам очень образованная, с десятью классами. Работала она в какой-то солидной организации секретаршей, там познакомилась с молодым лейтенантом, вышла за него замуж и уехала с ним, исчезнув из нашей жизни на долгие годы. А мы одни тянули тяжёлую лямку, да еще волновались за пропавшую сестрёнку.

Конечно, кавалеры мимо меня не проходили, но была я чересчур застенчивой. Первым ухажером был Миша Кашеваров. Он работал мастером в ремесленном училище. Сюда же я пристроилась поварихой в столовую. Парень он был видный, сразу мне приглянулся, пару раз проводил до дома после работы. Узнала про это старшая повариха Дуська, и такую истерику мне закатила!

– Мы с ним давно встречаемся, не вздумай мне на пути становиться, – сказала она с угрозой в голосе.

Как поспоришь с начальством? Отшила я Мишку, даже не объяснив причины. А он, дурачок, с расстройств на фронт напросился, так и сгинул со свету в самом конце войны. Жаль было парня. С той поры ушла я из этой столовой – не могла смотреть на Дуську.

Подруга у меня была хорошая – Рита. Не давала она мне падать духом, как-то затащила меня в кино. Перед показом фильмов организовывали танцы, здорово мы тогда с ней кружились в вальсе. На следующий танец меня пригласил очень интеллигентный парень в очках и при галстукке. Танцевала я хорошо, опять же Рита меня научила. Весь вечер кавалер крутился возле меня, познакомились. Звали его Борисом, а родом он был из самой Москвы, в наш городок к тётке приехал. Каждый выходной стал навещать Боря в гости к родственнице, чтобы встретиться со мной. Год мы дружили, и вдруг пришла ему повестка от военкомата для службы в Армии. Хорошо, что война к тому времени закончилась, служить было не так опасно, как раньше. Поехала я в Москву провожать Бориса. Здесь же была и его мамаша. Недружелюбно поглядывала она в мою сторону. И вдруг до меня донеслись её слова, обращенные к родственнице:

– Очень худая у Бориса невеста, уж не чахоточная ли она?

Горький комок подкатил к горлу от обиды, но я виду не подала и сразу после проводов уехала домой. Поняла я, что не ко двору пришлась, и ни на одно письмо Борису не ответила. Позже я узнала от Борисовой тётки, что долго он оставался в женихах, а когда женился, назвал свою дочку Ольгой, может быть, в честь меня.

Как-то перед Рождеством моя соседка, добрая тётка Василиса, посоветовала мне погадать на судьбу. Для этого надо было замесить тесто из муки, соли и воды, испечь лепешку и съесть ее перед сном, произнеся заклинание: «Суженый, ряженный, приходи водицы напиться». Сон увидела я необычный: какой-то незнакомый мужчина с мешком за плечами стоял возле нашей колонки, откуда мы берём воду, а возле него бегали какие-то девчонки.

– Ну, что же, голуба, – поведала мне тётка Василиса, – замуж ты скоро выйдешь за деревенского парня, которого до сей поры не знаешь, и родишь ему девочек.

Посмеялась я тогда над словами соседки:

– Где я могу встретить деревенского парня, коль в деревне не бываю?

– Поживём-увидим, – ответила мудрая женщина.

Вскоре предсказания вещего сна начали сбываться. Мне предложили работу в маленьком посёлке в столовой. Здесь я быстро подружилась со своей напарницей, статной и черноокой Марией. Многие ребята заглядывались на нас. Как могло быть иначе: и девки мы были молодые, видные да еще на раздаче поставлены. «Глядишь – перепадет порция побольше», – наверняка думали они. Маша была верна своему преданному ухажёру Николаю, интеллигентному на вид парню, при галстукке, а я была застенчивой. Так что от поклонников мы просто отшучивались. Однажды Коля пришёл в нашу столовку не один, а вместе со своим братом Михаилом, кудрявым темноволосым парнем с голубыми веселыми глазами. Ребята оживлённо беседовали и время от времени поглядывали в нашу сторону. Маша подшучивала надо мной:

– Похоже, что Николай и тебе жениха привёл.

Хоть я на раздаче была не новичок, а тут у меня все начало выпадать из рук. Пришлось Маше выпроводить женихов из зала, приговаривая:

– Из-за вас Ольга всю посуду переколотит.

После смены Миша встретил меня и напросился в провожатые. Я его отговаривала, мол, автобусы вечером не ходят и он не сможет добраться до дома.

– Для меня десять километров – не расстояние, доберусь, – ответил он уверенно.

К своему дому я его не подвела, распрощалась у дома подруги. Миша отправился в обратный путь, а я, перекинувшись с подружкой новостями, побежала к себе. Следующий день был выходной. Из головы не выходил новый кавалер, я даже сожалела, что не назначила ему свидание, несмотря на его настойчивые просьбы. Вдруг сосед сообщает, что меня вызывает какой-то мужчина в сером костюме. Я впопыхах оделась, выскочила из дома и обомлела. У калитки стоял Михаил.

«Ну, и партизан, – подумала я с восторгом. – Всё-таки выследил, где я живу». Миша, радостно улыбаясь, предложил съездить с ним в его деревню. Там намечалось весёлое гулянье с танцами. Как откажешь такому упорному кавалеру? Согласилась.

От автобусной остановки до деревни мы с Михаилом прошагали почти три километра, даже не замечая дальнего расстояния. Лес, окружавший нас со всех сторон, многоголосье птиц – всё настраивало на лирический лад. Михаил попытался обнять меня, но, получив отпор, утихомирился. Не имея ни хорошего слуха, ни голоса, он пытался что-то напевать, чем меня очень веселил. И вот вдалеке показалась деревенька. Непросто было пройти через неё незамеченными, на пустынных улицах, возле своих палисадников, как будто невзначай, появлялись бабульки. Щурясь от солнца, они старались угадать, кто прибыл в их деревню, с кем и к кому. Получив нужную информацию, они долго ещё стояли в раздумье, провожая любопытным взглядом чужих гостей.

В доме Михаила было многолюдно: собрались родственники и ближайшие соседи.

– Это моя Ольга, – представил меня Михаил.

Его мать, маленькая, юркая пожилая женщина с испещрённым морщинами лицом, быстро расстелила перед нами одеяло, сняла с образов икону и предложила нам с Мишей встать на колени. Повернув икону ликом к нам, нас ею перекрестила. Все присутствующие бросились нас поздравлять. Как по волшебству был накрыт стол и начался праздник. Быстро гости дошли до той кондиции, когда пошли песни и пляски. Миша от принятой дозы спиртного стал задорным, норовил при всех меня поцеловать. Я, вся пунцовая, не понимала, что происходит, и даже попыталась отправиться домой, чем здорово удивила гостей. К концу вечера Миша еле

держался на ногах, но попросил мать приготовить нам постель в прохладном чулане. Заплетающимся голосом он доказывал мне, что мы теперь благословленные муж и жена.

Я поняла, что спорить с ним бесполезно, и придётся здесь заночевать. Перед носом Михаила я закрыла дверь чулана с внутренней стороны на крючок и улеглась спать. Половину ночи скрёбся новоиспечённый муж в дверь моей обители, но было напрасно. Так и проспал он остаток ночи где-то в сенях на полу. На следующий день, уже на трезвую голову он заявил, что благословение нарушать нельзя, и мы с ним должны жить вместе.

ПОСТСКРИПТУМ.

Через девять месяцев родилась я – автор этого рассказа, а через год с небольшим появилась на свет моя сестра. Сбылись предсказания мудрой тётки Василисы.

Годы знаний и надежд

Когда золото осени едва коснулось деревьев и кустарников, и георгины и гладиолусы призывно засияли, наступило долгожданное для меня первое сентября. Мать нарвала в нашем палисаднике букет из тёмно-красных бархатистых гладиолусов, и мы вместе с ней направились в среднюю школу №12 моего родного города Орехово-Зуево, который прославился в России – Морозовской стачкой. Наш путь проходил через пустырь и барачный посёлок, где проживали долгие годы рабочие химического завода «Карболит» без элементарных удобств со своими семьями. Со следующего дня долгую дорогу к знаниям я начала преодолевать самостоятельно. Первую мою учительницу Веру Сергеевну Востокову я до сих пор вспоминаю с благодарностью. Это была пожилая женщина с проседью в густых тёмных волосах и огромными карими глазами, излучающими доброту. На первом уроке она спросила: «Кто из вас, ребята, знает стихи?» Я нерешительно подняла руку. Сначала волнуясь, потом увереннее, я прочитала несколько стихотворений, которые прозвучали на прощальном утреннике в детском саду. По непонятной для моего детского ума причине, воспитательница Лидия Михайловна Жарковская невзлюбила меня, поэтому стихов на праздничных утренниках я никогда не читала. Вера Сергеевна стала для меня доброй феей, благодаря которой я почувствовала в себе уверенность, быстро освоилась с учёбой и вскоре стала круглой отличницей.

Наступила эпоха правления Хрущёва, когда с прилавков магазинов начали исчезать необходимые продукты и товары, появились очереди за хлебом, а по радио с утра до вечера звучали набившие всем оскомину фразы: «Дорогой Никита Сергеевич», «Целина» и «Кукуруза».

В День Пионерии, 19 мая 1960 года, я вместе с учениками нашего четвёртого класса «Б» поехала в Москву вступать в ряды пионеров. На большом автобусе нас привезли на Красную площадь и подвели к знаменитому Мавзолею. С трепетом вошли мы в небольшое, слабо освещенное помещение. По пути нашего следования застыли солдаты в почётном карауле. И вдруг мы увидели стеклянные саркофаги, в которых находились вожди пролетариата. Ленин почивал в костюме с широким галстуком, Сталин – в сером военном кителе. Помню, что малый рост великих людей меня очень удивил.

Когда мы вышли из мавзолея, нас выстроили в линейку, и после того, как мы дружно и громко произнесли заранее заученную «клятву пионера», нас приняли в ряды пионеров, и каждому из нас симпатичная вожатая Нина Сергеевна повязала на шею красный галстук. После торжественного мероприятия мы отправились на экскурсию по столице нашей Родины. Вымытые с утра мостовые сверкали чистотой, нежная зелень весенней листвы украшала улицы и проспекты. Глядя на высотные дома, у меня захватывало дух, я их видела впервые. Возле Московского Государственного Университета нас сфотографировали. Я с восхищением рассматривала солидное здание и мечтала учиться в нём, но моей мечте не суждено было сбыться.

В седьмом классе меня посадили за парту с Юрой, так звали молчаливого серьёзного парнишку. Он был невысокого роста, носил очки, редко улыбался, но отлично делал чертежи и быстро решал математические задачи. В Международный женский день Восьмого марта, Юра удивил всех одноклассников. Когда мальчишки нашего класса собрали деньги и купили девочкам безделушки-сувениры, он отказался от общей затеи и преподнёс мне свой подарок – плюшевого медвежонка. Я смутилась от неожиданности и покраснела, но от подарка не отказалась.

Как-то в конце занятий Юра протянул мне записку.

«Я люблю тебя, но не думай, что это шутка – это совершенно серьёзно», – прочитала я.

Первое признание в любви меня озадачило и взволновало. Как бы мне хотелось в тот момент получить признание от другого Юры, который мне очень нравился, хотя был лоботрясом и двоечником. Впрочем, я ему тоже нравилась. Он частенько поглядывал на меня, провожал восторженным взглядом, иной раз отнимал портфель, чтобы привлечь моё внимание. Но я

была стеснительной девчонкой, своих чувств не показывала, и взбалмошный ухажёр переключился на новенькую ученицу – смуглолицую задорную Нину.

Полученную записку от соседа по парте я всё-таки оставила, спрятав в своей комнате в укромном месте – за обогревательную батарею. Периодически я доставала сложенный листок бумаги, аккуратно разворачивала и перечитывала, но не отвечала на любовный призыв. Через неделю Юра вручил мне ещё одну записку, в которой предложил встретиться после занятий в школьном сквере. Когда я подошла к назначенному месту, мальчик меня уже поджидал.

– То, что я написал – это правда. Давай дружить, – робко произнёс он.

– Я должна подумать, – нерешительно произнесла я.

Вспомнив, что Юра хорошо чертит тушью, я попросила его о помощи. Парень охотно согласился. В итоге, по черчению я получила «пятёрку», а Юра – «четвёртку», потому что свою работу он выполнил карандашом.

Я была, конечно, ему благодарна, но встречаться отказалась, ссылаясь на нехватку времени. Нежданно-негаданно к моему дому прикатила на велосипеде одноклассница Татьяна. Заговорщически улыбаясь, она протянула мне письмо.

– Это тебе Юрик передал. Сказал – срочно.

«Если ты сегодня не придёшь на наше место в 14 часов, со мной что-нибудь случится», – прочитала я и протянула записку подруге.

– Да я уже в курсе, – сообщила она. – Ты должна непременно с Юриком встретиться, а то вдруг он с собой что-нибудь натворит – там же река неподалёку, – посоветовала одноклассница.

Долго не раздумывая, мы решили проследить за незадачливым ухажёром. Прибыв в указанное место, мы спрятались в ближайших кустах и замерли в ожидании. Юра пришёл вовремя. Выглядел он печальным и задумчивым. Мне захотелось выйти из укрытия и его успокоить, но в последний момент я отказалась от этой идеи. «Что я ему сейчас скажу? Ну, не нравится он мне. Неужели он сам этого не понимает?», – крутилось в голове.

Юра долго стоял, с грустью поглядывая по сторонам, потом резко развернулся и направился к реке.

– Я так и думала, что он пойдёт топиться, – мрачно подытожила подруга.

– Так пойдём и проследим, – отозвалась я.

К нашей радости, Юра, побродив по берегу, вернулся в город.

Записок от него я больше не получала, а он лишь печально посматривал в мою сторону. Его любовные записки так и лежали за батареей, пока мой отец их не обнаружил. Мне он ничего не сказал, а мать упрекнул: «Что же ты дочь до любви довела?»

Будучи в двадцатилетнем возрасте Юра всё же осуществил своё намерение расстаться с жизнью, и по неизвестной причине выпил смертельную дозу снотворного.

После окончания восьмого класса я задумалась, что делать дальше. Я хотела продолжить учёбу в школе, потом поступить в какой-нибудь институт, но мать уговаривала меня учиться в техникуме.

– Там всё-таки стипендию получишь, – убеждала она. – Ты скоро повзрослеешь, будешь требовать наряды, а у нас лишних денег нет. Да ещё отец пьянствует.

Пришлось мне согласиться с её доводами, но я долго сомневалась, в какое учебное заведение сдавать документы.

Проходя мимо солидного здания сталинской эпохи, в котором располагалось медицинское училище, я заглянула в него. Студентки в белоснежных халатах и шапочках выглядели необычно и привлекательно, мне захотелось стать медиком. После успешной сдачи экзаменов я стала студенткой. Училище находилось в нескольких километрах от дома, но я ходила на занятия пешком – у матери денег, как всегда, не хватало. Путь проходил через городское кладбище, и курсировать каждый день между могилами вначале было страшновато. Потом привыкла, но ещё долго видела навязчивые мрачные сны. Но это уже другая история.

В нашей фельдшерской группе был всего один парнишка, весёлый и бойкий Гоша. Он быстро освоился в девичьем коллективе и с переменным успехом ухаживал за смазливymi однокурсницами, потом переключился на другие коллективы. Большинство девчат были иногородними, жили в общежитии и держались особняком. Местных девчонок они недолюбливали – может быть, завидовали их жизни в родном городе.

Самым трудным предметом на первом курсе считалась анатомия. Вернее, студенты боялись не самого предмета, а учительницу Валентину Иосифовну. Строгая преподавательница была необычно крупных размеров и с тяжёлым нравом. Кто-то из студентов дал ей прозвище «Гома», что в переводе с латинского означает «человек», так оно и закрепилось за ней. На занятиях Гома с лёгкостью поднимала гипсовый «муляж», на котором были изображены внутренние органы человека. С наглядным пособием весом около пятидесяти килограмм, она свободно курсировала по учебной аудитории. Неожиданно Гома подходила к какой-нибудь студентке, тыкала пальцем в какой-нибудь изображённый на муляже орган и просила о нём рассказать. Если ученица запинаясь, преподавательница свирепела и ставила в журнал «двойку». Вначале учёбы я тоже попала под её прицел. На заданный вопрос я ответила правильно, но неуверенно, за что получила тройку. Горько переживала я свой первый провал, но удача вскоре улыбнулась. Когда мы изучали эмбриологию, никто из студентов не усвоил эту сложную тему. Со злостью и разочарованием обратилась Гома к аудитории:

– Может ли кто-нибудь из вас правильно ответить?

Я рискнула, подняла руку и подробно рассказала о развитии эмбриона. Мой смелый поступок был высоко оценён, я получила «пятёрку». С тех пор я стала любимой ученицей у Валентины Иосифовны.

В качестве практических занятий по анатомии предусматривалось посещение морга. С любопытством и страхом ожидала я этот день. Страх сменился ужасом, когда я вошла в помещение морга. Пары формалина, витавшие в воздухе, не могли заглушить тошнотворного трупного запаха. Все студентки, как по команде, закрыли носы платками, и вдруг прозвучал сердитый голос Гомы:

– Убрать платки! Ишь, кисейные барышни собрались. Не забываете – вы медики!

Когда занятие закончилось, мы опрометью выскочили на улицу. Я долго не могла прийти в себя – всюду мерещились трупы. Как во сне, добралась я до дома, и в течение недели не могла смотреть на мясо.

Наступило время сессии. На первом же экзамене по анатомии произошёл инцидент, повлиявший на мою дальнейшую учебную карьеру. До полночи я готовилась к важному экзамену, повторила самые сложные разделы, а в билете попался вопрос, ответ на который я не знала. На мою беду, на экзамен пришла сама директриса. Я что-то лепетала, старалась выкрутиться. Гома была шокирована и сверлила меня уничтожающим взглядом. Ответ на второй вопрос она уже не слушала, но прошлые мои успехи зачла и поставила за экзамен «четвёрку». На следующий день я выслушала много упрёков от однокурсников.

«Гома так лютовала, что нам всем снижала отметки да ещё приговаривала: «Если отличница не знает мой предмет до конца, тогда что знаете вы?» – рассказала близкая моя подруга Ольга.

На следующем экзамене по физиологии я ощутила следствие своего провала. Когда я ответила на все вопросы без запинки, преподавательница поставила мне всего лишь «четвёрку». Впоследствии я вошла в свою колею, и государственные экзамены сдала на пятёрки, но полученные на первом курсе четвёрки помешали мне получить «красный» диплом.

Осенью на втором курсе нашу группу направили на уборку картофеля в подшефный колхоз. Нас поселили в просторной избе, которая называлась «Красным уголком», и предназначалась для проведения колхозных собраний. Наш трудовой коллектив возглавил учитель физкультуры Станислав Иванович, низкорослый, шупленький мужчина, которому было около

тридцати лет. Между собой мы его называли Стасиком. В первый же день, распределив девчат по картофельным грядкам, наш руководитель бесследно исчез. Вечером в наше жилище прибежала деревенская женщина.

– Заберите своего учителя, – крикнула она. – Валяется он, горемычный, возле магазина.

Мы всей гурьбой отправились по указанному адресу и на траве возле сельмага нашли мирно посапывающего Стасика.

С большим трудом мы приподняли мужчину, волоком притащили в «Красный уголок» и положили на матрац отсыпаться. На другой день история повторилась. Слух о нашем руководителе дошёл до училища, Стасика лишили руководства, а затем с треском выгнали с работы.

Эстафету принял пожилой учитель истории и научного атеизма, коммунист Николай Васильевич. Он был строг, но справедлив и требовал от студенток беспрекословного подчинения. Ходить на танцы в сельский клуб нам разрешалось, но с одним условием, чтобы в десять вечера мы возвратились в свою избушку. Никто из девчат не пытался нарушать запрет, все хорошо усвоили, что училище – не школа, могут и стипендии лишить.

Как-то в воскресный день деревенские жители организовали народное гуляние. Мы с любопытством выскочили на улицу, следом за нами вышел наш руководитель. Задорные пляски в исполнении сельских женщин сопровождались весёлыми частушками. «А ты, колбаса, мне не путай волоса!» – неожиданно прозвучала частушка. Суровый преподаватель рассмеялся до слёз. Мы с удивлением смотрели на него и не могли понять, что же его так рассмешило.

Охота на бабочек

О профессоре Дудкевиче, возглавлявшем кафедру зоологии в нашем педагогическом институте ходили легенды. Всех новоиспечённых студентов старшекурсники информировали об особенностях профессора и советовали, как вести себя при сдаче у него экзаменов и зачётов. Не рекомендовалось идти к нему в последних рядах, как поступали студенты у других преподавателей, рассчитывая на их усталость. С Дудкевичем такие маневры не проходили.

На экзамен он обычно приходил в благодушном настроении, шутил и посмеивался над ляпами нерадивых студентов. Приняв пару десятков экзаменующихся, профессор торопливо удалялся за громоздкий мрачный шкаф, разделяющий аудиторию на две половины. Если за шкафом раздавалось бульканье жидкости, студенты настораживались. Неторопливо возвращался профессор из-за шкафа, а грозный взгляд его чёрных пронзительных глаз и покрасневшее лицо не обещали ничего хорошего. Экзамен продолжался, но всё чаще вылетали студенты из аудитории с неудовлетворительными оценками. Заходы профессора за шкаф повторялись, число неудачников возрастало. При появлении хорошенькой студентки волна беспричинной ярости Дудкевича достигала наивысшей амплитуды. Он задавал ей каверзные вопросы, а в заключение клеймил за слабую подготовку. Когда глаза жертвы наполнялись слезами, и она жалобно смотрела на профессора, он резко менял тактику. Тихим и вкрадчивым голосом ловец предпенсионного возраста назначал девушке свидание. Отказавшись от randevu, студентка обрекала себя на бесконечную задолженность по зоологии.

После окончания первого курса студентов ждала летняя полевая практика. Жизнь в палатках, посиделки возле вечернего костра напоминали туристический отдых. Занятия проводились в живописной местности на берегу лесного прозрачного озера. Днём студенты с сачками охотились на разных насекомых. Усыпив их парами эфира, определяли по справочникам их виды, потом высушивали и готовили коллекции. Обычно летнюю практику проводили ассистенты профессора, но иногда Дудкевичу самому хотелось расслабиться на лоне природы, и он брал на себя руководство группой студентов. Такое известие участники занятий воспринимали со скорбью. Успешный зачёт группы зависел от поведения студентки, которую выбирал профессор в качестве объекта для любовных утех. Критерии отбора были жёсткими. Дудкевич оценивал не только внешность, он был требователен и к весовой категории объекта, так как сам имел наилегчайшую.

Подобная история произошла на одной из летних практик студентов-заочников, в которой я тоже приняла участие. Наша группа подобралась, как обычно, разновозрастная. Наряду с молодыми были студенты и более солидного возраста, должности которых требовали наличия диплома о высшем образовании. Но на природе все чувствовали себя юными и энергичными. Сначала неловко и застенчиво, а потом резвее носились практиканты с сачками за бабочками и стрекозами.

Как-то, наблюдая за неумелыми действиями подопечных, профессор Дудкевич пригласил всех на инструктаж и, с вождением поглядывая на студентку Аню Берёзкину, с нарастающим азартом в голосе сообщил:

– Накрываем бабочку сачком, а когда она сложит крылышки, осторожно берем пальцами за грудь и сдавливаем до хруста. После этого укладываем бабочку на ватный матрасик и прикрываем.

С каждым днём статная девушка с округлыми формами и пухленьким, миловидным личиком становилась желанным объектом для ценителя женской красоты. Сначала профессор старался самостоятельно привлечь внимание красавицы. Он неуклюже бегал с сачком рядом с девушкой, обучая её мастерству при ловле насекомых. Аня лишь весело смеялась, наблюдая за виражами странного старикана.

Чтобы не терять времени понапрасну, Дудкевич обратился к старосте группы Прошкину с просьбой:

– Ты пригласи ко мне сегодня в палатку Берёзкину в девять часов вечера.

Прошкин понимающе кивнул и поспешил выполнить задание профессора.

– Анюта, мне нужно с тобой поговорить, – обратился староста к девушке.

– Что случилось? – насторожилась она.

– Похоже, что старый козёл Дудкевич на тебя глаз положил, – сообщил Прошкин с осуждением в голосе, и, замявшись, добавил. – Ну, в общем, приглашает он тебя в гости сегодня вечером.

– А я-то удивлялась, почему этот старикашка возле меня распрыгался. Оказывается, моей любви захотел. Шиш ему.

– Аня, ты не горячись. Может, он и мужик никакой. Погладит да отпустит, а ты для всех доброе дело сделаешь. Мы, как и ты, без проблем зачёт получим.

– За кого ты меня принимаешь? – обиделась девушка. – Я замужем, у меня есть ребёнок. Была бы свободной, и то не согласилась бы на столь гнусное предложение.

Вскоре все студенты узнали о щекотливом положении группы. Кто-то из них возмущался поведением Дудкевича, кто-то пытался повлиять на несговорчивую Берёзкину и приводил примеры из героического советского прошлого. Даже вспомнили Александра Матросова, который своим телом прикрыл вражескую амбразуру. Аня была непреклонна.

– Ребята, нашли из-за чего горевать, – отозвалась Анжела Коркина, сорокалетняя рыжеволосая студентка с атлетической приземистой фигурой.

Студенты с любопытством посмотрели на сокурсницу, которая в свободное от учёбы время работала заведующей столовой.

– Я замещу Берёзкину на важном для нас поприще, – пошутила она. – Старый козёл не разберёт в темноте, кто к нему заявился для любовных утех. Когда поймёт, поздно будет.

Коркина мечтательно закатила глаза и выразительно добавила: – Я ему такой стриптиз покажу, что надолго запомнит!

Все с облегчением вздохнули и с нетерпением ждали развязки.

В назначенное время Анжела с трудом протиснулась в палатку профессора. Дудкевича на месте не было. Лунный свет из узкого оконца слабо освещал просторное помещение. Возле раскладушки возвышался стол, на котором красовалась бутылка армянского коньяка, какие-то бутерброды и коробка конфет. «Ишь, как подготовился к встрече, старый развратник!» – подумала Коркина. – Надо и мне постараться, не ударить лицом в грязь».

Женщина сняла кофту и присела на раскладушку, дно которой сразу же провисло почти до земли. Сидеть было неудобно, но Анжела терпеливо ждала профессора, с предвкушением поглядывая на бутерброды с сайрой. Когда Дудкевич появился в палатке, он замер от неожиданности, напомнив Коркиной согнутый гвоздь с накренившейся шляпкой.

Профессор был обескуражен. Вместо ожидаемой стройной Берёзкиной его кровать прогибалась грузная Коркина. Разложив свои мощные груди на выпуклом животе, обтянутом тесным трико, она призывно смотрела на него и игриво улыбалась.

– Вон отсюда! – завизжал Дудкевич срывающимся голосом и хаотично замахал руками.

Анжела второпях напялила кофту и, грустно посмотрев на бутерброды с сайрой, вывалилась из палатки, чуть не опрокинув щуплого профессора.

Большинство студентов, в том числе Берёзкина и Коркина, зачёт по летней практике не получили.

Визит из прошлого

Наташа своей миниатюрной фигуркой и бойким темпераментом напоминала известную актрису шестидесятых годов Надежду Румянцеву. Добрые, серые глаза с задорными искорками были зеркалом её весёлой и открытой натуры. Недаром она всегда и везде была заводилой. Её брат-двойняшка Лёша был прямой противоположностью. Тихий и робкий, он чувствовал себя уверенным только рядом с Наташей. Не раз приходилось девчонке заступаться за своего брата. Увидев как-то Лёшу в окружении сердитых пацанов, она тут же бросилась на выручку.

– Ну-ка, проваливайте с нашего двора, – крикнула шестилетняя девчонка.

– А если не уйдём? – засмеялись мальчишки.

– Если не уйдёте – папку позову, он у нас милиционер и вам всем накостыляет.

– Да, чего с этой мелюзгой связываться, – пробубнил один из ребят. – Пойдёмте отсюда.

Наташа, взяв за руку брата, уверенно повела его к подъезду.

– Слышь, пацан, – обратился один из ребят к Лёше. – Тебе надо поучиться смелости у своей сеструхи.

– А это мы и без вас разберёмся, – крикнула Наташка и показала язык обидчикам.

Никаким милиционером их отец не был, он работал слесарем на заводе. Девчонка и сама не знала, как набрела на такую мысль, но не раз пользовалась этой угрозой, за что впоследствии её прозвали дочерью мента.

Двери квартиры двойняшек не закрывались. Сначала соседские ребята заходили поиграть, а когда наступила пора юности, собирались одноклассники. Ребята и девчата шутили, смеялись, пели под гитару. Даже молчаливый Лёша иногда пытался подпевать, но быстро сбивался с мотива и уводил кого-нибудь из ребят на кухню, чтобы сразиться в шахматы. В шестнадцать лет он получил звание мастера. После очередных соревнований, Лёша пришёл домой со Стасом Гордеевым, высоким, светловолосым парнем из параллельного класса. Тот неудачно провёл партию на городском первенстве шахматистов, и Лёша решил объяснить ему промахи. Наташа тоже посочувствовала Стасу, предложила ребятам перекусить. С тех пор парень зачастил к ним. Если Наташа была дома, то Стас забывал о шахматах, рассказывал новости, свежие анекдоты, девушка смеялась и с удовольствием принимала знаки внимания. Она давно привыкла к почитанию ребят. Многие из одноклассников пытались приударить за хорошенькой, весёлой девчонкой, но она ловко переводила их в разряд друзей. Со Стасом было всё по-другому. Взгляд его пронзительных синих глаз тревожил её сердце. Иногда Наташе казалось, что он читает её самые сокровенные мысли. Это её смущало, что было не привычно для бойкой девушки. Ей нравились неторопливые манеры парня, его рассудительные разговоры. Непривычное чувство волновало её воображение. Она уже скучала, когда он долго не приходил, сердце колотилось от радости при его появлении. Даже Лёша заметил перемену в сестре, но только улыбался, глядя на неё, и тактично оставлял ребят наедине, придумывая на ходу какой-нибудь важный предлог.

Незаметно приблизились выпускные экзамены. Природа ликовала от ярких красок свежей листвы, благоухающих соцветий сирени и черёмухи, а школьникам надо было отгородиться от всей этой красоты и штудировать билеты.

И вот долгожданный аттестат на руках, наступил торжественный и грустный момент в жизни старшеклассников – выпускной бал.

В воздушном светло-бирюзовом платье, на изящных шпильках, с замысловатой высокой причёской, появилась Наталья в украшенном цветами и весёлыми плакатами зале под руку с Лёшей. Девушка ловила на себе восхищённые взгляды выпускников, благодарила за комплименты, а сама искала взглядом Стаса. В костюме серого цвета с тёмно-синим галстуком на белоснежной сорочке, он выглядел элегантно и непринуждённо. Ищущие взгляды нахо-

дят друг друга. Улыбаясь, Стас направился к Наташе. Оркестр заиграл мелодию прощального школьного вальса, выпускники и учителя закружились под любимую мелодию. Нежно обнимая девушку за талию, Стас прошептал:

– Как ты хороша, Натали! Никому тебя не отдам.

– Какой ты, оказывается, собственник, – шутливо заметила девушка. – Впрочем, я и сама от тебя никуда не уйду, ты такой великолепный партнёр.

Звучали поздравления и напутствия учителей, повзрослевшие вчерашние школьники отвечали словами благодарности.

Глубоко за полночь выпускники покинули родную школу и отправились с песнями бродить по городу. Ближе к утру лишь самые выносливые из ребят направились в парк – встречать свой первый взрослый рассвет. Сквозь сумерки предрассветного утра могучие реликтовые сосны встретили ребят суровым молчанием, а бывшие ученики, притихшие и немного усталые, шагали по центральной аллее навстречу солнцу. Между парком и жилыми строениями когда-то был пустырь, а теперь выросли молодые стройные берёзки и кудрявые клёны, посаженные когда-то руками школьников. С другой стороны парка был крутой спуск к живописному берегу реки Клязьмы.

– Ната, давай оторвёмся от всех, – предложил Стас, обнимая девушку за плечи.

– И куда мы пойдём? – остановилась в нерешительности Наташа.

– К реке.

– Ты что, искупаться захотел?

– Почему бы нет? Снимай свои каблуки, а то застрянешь в траве.

Наташа сняла туфли, и, схватив парня за руку, последовала за ним. Впереди показалась серебристая гладь воды, Стас, долго не раздумывая, разделся и плюхнулся в воду. Брызги долетели до Наташи.

– Так я и знала, что намочишь моё бальное платье.

– А ты сбрасывай свой наряд и в воду!

– Я же без купальника.

– Сейчас темно, никто тебя не увидит.

Наташа повесила платье на ближайший куст развесистой ивы и осторожно вошла в воду. Холод пронзил её насквозь, она была готова выскочить из воды. Неожиданно девушка почувствовала себя в крепких объятиях Стаса. Он поднял её на руки и начал осыпать нежными поцелуями.

– Пусти, что ты делаешь? – слабо сопротивлялась девушка.

Она не помнила, как они оказались на берегу, их захлестнуло безумие страсти. Она только почувствовала, что они слились в единое целое, несмотря на острую боль, ей было приятно.

Первые лучики солнца робко пробивались над линией горизонта, когда Стас и Наташа не спеша направились к дому. Прощальный поцелуй у дверей подъезда.

– Ната, ты ни о чём не жалеешь? – спросил Стас, обнимая девушку.

– О чём я могу жалеть? Я же люблю тебя.

Только к полудню пробудилась Наташа от крепкого сна, сладко потянулась. «Неужели всё случилось со мной наяву?» – вспомнила она про волшебную ночь.

Вечером на пороге их квартиры появился Стас. Он непривычно смущался и с обожанием смотрел на девушку.

– Пойдём, прогуляемся. Не дома же сидеть в такую чудесную погоду, – пришла ему на выручку Наташа. – Только немного подожди, я переоденусь.

Вдруг она услышала тихую фразу, брошенную Лёшей:

– Смотри, не потеряй голову, сестрица!

– Похоже, что я уже её потеряла, – улыбнулась девушка.

Тёплое летнее солнышко радовало и согревало. Кто не использует это благодатное время, чтобы побродить по лесу, искупаться в прохладном водоёме, понежиться на пляже? Но выпускникам надо было думать о будущих экзаменах. Станислав и Наташа решили готовиться к поступлению в Московский Энергетический институт. Технический вуз они выбрали неслучайно – оба увлекались точными науками. Подготовкой к вступительным экзаменам они занимались в квартире Стаса, когда его родители уходили на работу. Занятия прерывались чаепитиями и нередко любовными играми. Как оказалось впоследствии, одно другому не мешало, ребята успешно сдали вступительные экзамены и стали студентами престижного института.

Вдруг новость – Наташа ждёт ребёнка.

– Ната, нам ещё не время обзаводиться детьми. Надо что-то предпринять, а то все наши старания пропадут даром, – уговаривал Станислав девушку.

– Я ничего делать не буду. Это наше дитя, и я его оставляю.

– Ну, ты всё-таки подумай, – посоветовал он, и с обидой покинул растерянную девушку. Неделю не видела Наташа любимого. Глаза её покраснели от слёз и недосыпания.

– Что с тобой происходит, Натка? – заметил встревоженный брат. – И Стас почему-то не появляется. Уж не поссорились ли вы с ним?

Наташа разрыдалась и призналась в своей беде.

– Ну, и подлец! Я сейчас с ним разберусь! – пригрозил Алексей.

– Прошу тебя, не делай ничего – не хочу силой привязывать его к себе.

– Это же ваш ребёнок! Вы должны вместе за него отвечать.

– Так-то оно так, но Стас не хочет ребёнка.

– Ладно, думайте сами, – высказался Алексей, а сам отправился к Станиславу.

Дверь открыла мать друга.

– Проходи, Лёша. Хорошо, что ты зашёл, а то сын сидит насупленный в своей комнате и никуда не выходит.

Как только ребята остались наедине, Станислав обратился к другу:

– Вижу по тебе, что всё знаешь, но не торопись с обвинениями. Какая у нас будет учёба с ребёнком? Да, и моя мать наверняка будет против.

– Ты же не малый ребёнок, чтобы за мать прятаться? – возразил Алексей. – Наташка всё равно ребёнка оставит.

– Я не даю на Наташу. Ты же знаешь, как я к ней отношусь, – возразил Станислав. – Если она так решила, то мы поженимся.

Лёша пожал другу руку:

– Правильное решение. Иди, поговори с матерью, а я пойду, обрадую сестру.

Свадьбу сыграли скромную, без помпезности в квартире Натальи, собрались самые близкие родные и друзья жениха и невесты. Наташа, несмотря на бледность, выглядела очаровательной и счастливой. В платье, оставшемся после выпускного вечера, она напомнила Станиславу школьный бал и первую их романтическую ночь. Он с обожанием смотрел на свою молодую жену.

– Горько, горько! – кричали гости, и молодые с удовольствием застывали в нежном поцелуе.

В институте к семейной паре первокурсников отнеслись доброжелательно, сразу выделили отдельную комнату в общежитии. Днём молодожёны ходили на лекции, а после учёбы заходили в магазины. Благо, что в Москве с приобретением продуктов проблем не было, не то, что в их родном провинциальном городке.

Почти до конца беременности Наташа посещала институт, некоторые экзамены и зачёты сдавала досрочно, чтобы не потерять учебный год. За неделю до родов она уехала к матери.

Схватки были долгими и мучительными, Станислав отпросился в институте от занятий и целыми часами расхаживал возле родильного дома, периодически заглядывая в больницу,

чтобы узнать новости. На второй день, блуждая под окнами, он вдруг услышал свою фамилию. Его позвала медсестра и сообщила:

– Гордеев, сейчас к Вам выйдет заведующий отделением, он хочет с Вами побеседовать. Через пару минут к Стасу подошёл пожилой мужчина в белом халате.

– Вы муж Натальи Гордеевой?

– Да, это я. Что случилось? Родила моя жена?

– Да, родила Вам сына – богатыря четыре с половиной килограмма, но сама, бедняжка, пострадала. Таз у неё узкий и кости не выдержали. В общем, разошлось лонное сочленение, и придётся ей почти год в гипсе находиться.

– Что же делать? – с отчаянием проговорил Станислав.

– Переведём её через недельку в травматологическое отделение. Как быть с ребёнком – решать Вам.

Как обещал доктор, Наташу перевели в другую больницу, ребёнка забрала её мать, оформив долгосрочный отпуск без содержания. Успешно сдав летнюю сессию, Станислав был свободен, он целыми днями пропадал у жены в больнице. Наташа даже сердилась на него:

– Ты хотя бы лишний раз погулял с ребёнком, маме и так тяжело со всеми делами справляться.

– А как же ты? Представляю твои страдания – лежать в неподвижности. Тут я хоть с тобой поговорю, как говорится, морально поддержи

– Здесь есть с кем общаться. Видишь, нас восемь женщин в палате, и у каждой свои истории.

Муж обычно сидел на краю кровати, с нежностью гладил руки Наташе, с состраданием смотрел на бледное осунувшееся родное лицо.

Лето было жаркое, только на природе можно было отдохнуть от раскалённого воздуха и городской пыли. Но Станислав, как заведённый, курсировал от дома тёщи к больнице. Родная мать обижалась, что сын редко приходил к ней, как-то вечером он решил навестить её. Подходя к подъезду, он столкнулся с Эльвирой, черноглазой молодой женщиной из соседнего подъезда.

– Стас, как чувствует себя жена? Я слышала о вашем несчастье.

– Лежит в гипсе, – неохотно ответил мужчина, намериваясь быстро пройти мимо любопытной соседки.

– Подожди. Может, нужна помощь?

– Чем ты поможешь? Я слышал, что у тебя самой растёт маленькая дочь.

– Да, но она в основном находится с моей мамой. Я же целый день на работе.

– Где же ты работаешь? – спросил Станислав, чтобы поддержать разговор.

– В городской библиотеке. Ещё я в пединституте учусь на заочном отделении. Мой отчим там ректором работает, – сообщила она с гордостью.

– Между прочим, предки мне кооперативную квартиру купили, теперь я в ней одна хозяйничаю.

– Повезло тебе, Эльвира. Мы с Наташей своего собственного угла не имеем, лишь комнатёнку в студенческом общежитии. А сейчас у Наташи безрадостное жильё в больнице, – грустно пошутил он.

– Сочувствую. Лишь бы всё обошлось, а то я слышала от знакомых, что после такой травмы можно инвалидом на всю жизнь остаться.

– Много знают твои знакомые, – заметил Станислав и направился к матери.

Сыночек подрастал, был спокойным и покладистым – весь в дядю Алексея, именем которого его и назвали. Как-то, прогуливаясь с малышом, Станислав снова встретил Эльвиру, кивнул ей, хотел пройти мимо.

– Ты что, обиделся? – спросила соседка. – Извини, может, лишнее сказала.

– Да ничего. Просто я тороплюсь, Лёшу кормить пора.

– Ну, я тебя долго не задержу, – проговорила молодая женщина. – У меня к тебе огромная просьба. Мне надо контрольную по химии в институт отправить, а я две задачи никак не одолею. Если будет время, заскочи ко мне.

В голове Станислава промелькнуло: «У неё же отчим – ректор химического факультета». Будто прочитав его мысль, Эльвира промолвила жалобным голосом:

– Отчиму всё некогда. Ты уж помоги!

– Ладно, сегодня вечером зайду, говори адрес.

Элла с радостью распахнула дверь гостю. Она была одета в светло-жёлтое трикотажное платье, оттеняющее её смуглую кожу и подчёркивающее стройность гибкой фигуры.

Станислав не мог скрыть своего восторга, сделал ей комплимент.

Элла поблагодарила, усадила мужчину за журнальный столик, на котором были разложены исписанные уравнениями листы бумаги.

– Посмотри. Вот здесь я колдовала-колдовала, но так и не справилась с задачами.

Он бегло посмотрел уравнения, нашёл ошибки и быстро справился с заданием.

– Ты просто гений! И теперь я должна тебя наградить.

– Ничего не надо, Элла. Я помог по-дружески, – возразил он. – Да и пора мне, дел невпроворот.

– Успеешь. Я хочу тебя угостить, не обижай отказом.

Элла тут же достала из бара бутылку болгарского коньяка, коробку конфет, принесла из кухни блюдо с порезанными ломтиками лимона.

– Ой, а маленькие рюмочки я ещё не приобрела, придётся пить из фужеров.

Станислав распечатал бутылку, и, налив немного коньяку в красивые фужеры, предложил тост:

– За успехи!

Крепкий ароматный напиток быстро поднимал настроение.

– За здоровье близких! – предложила тост Эльвира и включила магнитофон, зазвучала чарующая песня Джо Дассена.

– Прекрасный исполнитель, – заметил он. – Мы с Наташей любили танцевать под его песни.

– Давай и мы с тобой потанцуем, я сто лет не танцевала, – предложила Эльвира и положила руки ему на плечи.

Стас обнял молодую женщину и почувствовал её трепещущее тело. Танец завершился неожиданным страстным поцелуем.

– Я так давно влюблена в тебя, – прошептала Эльвира.

Страстное желание охватило обоих, эту ночь они провели вместе.

Лучики солнца робко пробивались через массивные оконные гардины. Стас очнулся от крепкого безмятежного сна, с удивлением осмотрелся. Чужая квартира и обстановка напомнили ему о вчерашнем событии. Сердце неприятно заныло. Как он желал, чтобы это был лишь сон. Будто прочитав его мысли, появилась улыбающаяся Элла в розовом полупрозрачном пеньюаре, прихватив с кухни аромат свежеприготовленного кофе. Её губы коснулись его щеки, мягкие волнистые волосы приятно щекотали грудь.

– Я тебе, завтрак приготовила. Хочешь – сюда принесу.

Вместо того, чтобы вскочить и убежать, как он намеревался сделать, Стас крепко обнял соблазнительницу, и они снова окунулись в бескрайнее море страсти. Мужчина был сражён, он никогда не испытывал подобного чувства.

Всё реже видела мужа Наташа. Когда она спрашивала о нём свою мать, та лишь отводила глаза в сторону, переводила разговор на другую тему или старалась оправдать зятя. Станислав корил себя за предательство, пытался вычеркнуть Эллу из своей жизни. Но приходил вечер, и он, как опойный, не находил себе места и с цветами бежал к ней.

– Стас, что происходит? Ты так редко стал навещать меня, – упрекнула Наташа. – У тебя появилась другая женщина? Скажи честно.

– Ната, прости меня, я полюбил другую.

Еле сдерживая рыдания, Наташа спросила:

– Кто эта счастливница?

– Элеонора. Моя соседка по дому матери, – уточнил он.

– Слышала, слышала о такой. Она, кажется, в семнадцать лет родила ребёнка? Без мужа.

– Да, ошиблась она по молодости.

– И ты решил помочь ей исправить ошибку?

Он замер в тягостном молчании.

– Теперь уходи, – произнесла Наташа срывающимся голосом. – И никогда, слышишь, никогда не напоминай мне о себе.

Потрясённая женщина отвернулась от мужа, прикрыла глаза. С поникшей головой вышел Станислав из больничной палаты.

Прошли годы, Наталья поправилась, душевная боль отступила. На последнем курсе института она вышла замуж за своего однокурсника Николая. По распределению молодые специалисты уехали в подмосковный Подольск, а через год Наташа родила дочку Аннушку.

Сын привязался к Николаю, называл его папой Колей, но знал, что у него есть родной отец. Не раз пытался он расспросить мать о Станиславе.

– Когда, сынок, подрастёшь, всё узнаешь, – обычно говорила она.

– Почему он не остался с нами? Значит, он плохой, – рассудил ребёнок.

– Нет, Лёша. Твой отец хороший, просто мы не смогли жить вместе, – объяснила мать, и на её печальных глазах навернулись слёзы.

Мальчик больше не спрашивал об отце, но мечтал встретиться с ним. Когда прозвенел последний звонок, он тут же решил осуществить свою мечту, поехал к бабушке и попросил её рассказать, где можно найти отца.

– Коль ты этого так хочешь, сходи к нему на завод, где он работает главным инженером. Крупным начальником стал твой отец.

– Станислав Петрович, к Вам какой-то молодой человек просится, говорит, что он, якобы, Ваш сын, – доложила секретарша.

– Какой ещё сын? Впрочем, спроси, как его зовут.

Через минуту секретарша доложила:

– Гордеев Алексей Станиславович.

Станислав Петрович оторопел, и еле слышно проговорил:

– Пригласи его ко мне. Ни для кого меня нет, – распорядился он.

Лёша с радостной улыбкой зашёл в кабинет но, увидев строгого, солидного мужчину, растерялся.

– Проходи, Алексей, присаживайся, – предложил отец. – У тебя какие-нибудь проблемы?

– Нет никаких проблем. Просто хотел познакомиться с тобой, – ответил сын.

– Молодец! Я очень рад. Ну, расскажи о себе. Как живёшь?

– Живу хорошо. Школу закончил без троек, собираюсь поступать в тот же институт, где вы учились с мамой.

– Прекрасно. Я горжусь тобой, Алексей! Надо бы ещё поговорить, но мне сейчас некогда. Даже домой к себе не могу пригласить, – добавил он в замешательстве, – Ты же мужчина, должен понять – там другая семья,

– Всё нормально. Главное, я узнал тебя, – ответил сын. – И на электричку мне надо успеть, чтобы домой вернуться засветло, а то мать будет волноваться.

– Может, деньги тебе нужны? – остановил Станислав Петрович уходящего сына.

– Нет, – ответил категорично Алексей. – Мы ни в чём не нуждаемся.

Когда Лёша вернулся домой, он заявил матери:

– Сегодня я был у своего отца на приёме. И знаешь, что я решил? Я не хочу больше никогда с ним встречаться:

у него – своя жизнь, у нас – своя.

Искушение

Нина радовалась, когда Николай встречал её после работы. Он брал её миниатюрную сумочку в одну руку, другой – бережно придерживал за локоток любимую супругу. Нежно улыбаясь, они рассказывали друг другу новости, заходили по пути в магазины и с покупками направлялись домой в уютную двухкомнатную квартиру. На удивление многим знакомым, их двенадцатилетняя совместная жизнь не знала бурных ссор и даже размолвок. У них подрастали двое ребятишек. Старший, одиннадцатилетний Андрейка, был копией отца. Уткнувшись в интересную книгу, мальчик мог часами сидеть дома, пока родители чуть ли не силком выпроваживали его на улицу. Да и там он стоял в сторонке, наблюдая за играми резвых мальчишек. Белокурая пятилетняя Иришка была непоседой и своим бойким характером напоминала мамашу. Нина была счастлива в браке, стоило ей вспомнить и заговорить о своём Николае, как её крупные серые глаза загорались магическим зеленоватым светом. Всю себя она отдавала семье, даже подруг у неё не было кроме приятельницы Веры. С ней её связывала общая работа в лаборатории. Вера не могла похвастать семейным счастьем. Её благоверный периодически отправлялся в запой и подолгу на рабочем месте не задерживался. По третьему кругу он устраивался в разные организации подсобным рабочим, благо, что такие вакансии в советские времена всегда были. Когда Вера созрела, чтобы окончательно рассчитать супруга, тот проявил находчивость. Чтобы вызвать к себе жалость, а заодно испугать жену, он исчез из дома на пару дней, поселившись у своего приятеля, такого же пьяницы и бездельника. На столе на видном месте обиженный муж оставил записку со словами: «Я ушёл в лес, не ищи меня». Вера не торопилась пускаться в розыск. Напротив, она почувствовала облегчение и укрепилась в своём решении. Вышедшему из подполья мужу она сообщила свой окончательный приговор, а чтобы развеяться от тягостей семейной жизни, Вера решила съездить на курорт. На её счастье в профкоме завода оказались нереализованными две путёвки в пансионат в черноморском городе Хоста.

«Что, если для компании прихватить с собой кого-нибудь из девчат? Бойкая и весёлая Нина, как никто другой подошла бы для такой поездки», – решила Вера и направилась к приятельнице домой.

– Нет, и ещё раз нет! – отреагировала Нина на заманчивое приглашение. – Куда я детей дену?

– У меня тоже дочка есть, я оставляю её своей матери. А у тебя такой муж надёжный. Правда, ведь, Коля? – обратилась она за поддержкой к мужу подруги.

– Может быть, Ниночка, тебе стоит съездить к морю? – посоветовал Николай. – Там ты хорошо отдохнёшь, а мы без тебя не пропадём. Да и путёвка профсоюзная наверняка дешёвая.

Дети сначала насупились, услышав о предстоящем отъезде матери. Услышав о ракушках и красивых морских камешках, которые она пообещала им привезти, согласились остаться с отцом.

Уютный черноморский городок утопал в зелени, воздух был пропитан запахами моря и вечнозелёной листвы. Отдыхающих было мало, курортный сезон в сентябре завершался. Двухэтажный железобетонный корпус пансионата, напоминающий солдатскую казарму, располагался недалеко от моря. Комнаты были без удобств и выходили в длинный узкий коридор. Получив полезную информацию от побывавших здесь знакомых, Вера попросила администратора разместить их с Ниной в конце коридора, недалеко от туалета и душевой.

– Может, вам выделить место прямо в туалете? – пошутил черноволосый парень с орлиным профилем и поселил их подальше от желаемых объектов.

Несмотря на малые габариты и простую обстановку, комната была светлой и уютной, вид на море придавал ей романтичность.

Подруги быстро переоделись с дороги и побежали к морю. С восторгом бросились они навстречу шаловливой волне, усталость, как рукой сняло. К концу дня подруги уже знали, что ждёт их на отдыхе: великолепный город Сочи в двадцати минутах езды на автобусе, обезьяний питомник в Сухуми, концерт органной музыки в Пицунде и главная достопримечательность для одиноких женщин – солидный военный санаторий, расположенный по соседству.

– Возможно, лётчика себе отхвачу! – размечталась Вера.

– Мечтать не вредно, попробуй. Но в своих вылазках на танцы на меня не рассчитывай, – предупредила Нина. – Я сюда приехала отдыхать, а не развлекаться.

– Ну, хоть разочек, давай сходим на танцы. Не пойду же я одна. – упрасивала Вера и ей удалось уговорить подругу.

На следующий вечер молодые женщины, наведя марафет и надев нарядные платья, отправились на танцы. Подойдя к санаторию, они узнали, что без приглашения местных отдыхающих в здание не пускают.

– Я никого просить не буду, а ты, Вера, можешь оставаться и ждать, – решила Нина.

Неожиданно к ним подошёл коренастый, лысоватый мужчина лет сорока.

– Ну, что, девчонки, провести вас на танцы?

– Будем премного благодарны, – бойко ответила Вера.

Пётр, так звали их нового знакомого, составил им компанию на танцевальном вечере, поочерёдно приглашая обеих подруг. Под быстрые мелодии они отплясывали вместе.

Когда вечер закончился, галантный кавалер вызвался проводить подруг до их корпуса, на набережной предложил посидеть на лавочке, подышать морем. Вера охотно согласилась, Нина, сославшись на усталость, оставила парочку наедине. Через час возвратилась и подруга.

– Что-нибудь случилось? У вас так хорошо всё начиналось, – поинтересовалась Нина.

– Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего. Петя оказался очень напористым и сразу же предложил заняться с ним любовью. Хотя бы для приличия пару дней подождал, – возмутилась Вера.

– Ничего себе, лётчик-налётчик!

– Он ещё вдобавку мне посоветовал найти серьёзного мужчину и выйти за него замуж, – вспомнила Вера. – Уж как-нибудь сама соображу, что мне делать.

На следующий вечер подруги встретили Петра в центре города в обнимку с рыжеволосой пышногрудой женщиной пенсионного возраста.

– Да, у этой дамы Петя нашёл понимание, – подметила Нина.

Выходы на танцы Вера осуществляла теперь с другими одинокими женщинами, которых в пансионате было немало. Нина предпочитала оставаться в комнате одна, читать романы, которые тщательно отбирала в местной библиотеке. Особенно ей нравились романтические истории, написанные Жорж Санд. Она часто вспоминала Николая и своих ребят. Иногда звонила им по телефону из городского переговорного пункта и бравым голосом сообщала, что у неё всё в порядке, но не хватает их, самых близких и дорогих. Николай успокаивал жену, советовал хорошенько отдохнуть и за них не волноваться.

Как-то ночью её разбудила взволнованная Вера.

– Нина, что с тобой? Успокойся!

– А что случилось? – спросила Нина спросонья. – Почему ты меня разбудила?

– Да ты так кричала во сне, что мне страшно стало.

– Какая-то чепуха снится, – немного помолчав, добавила, – Как наваждение, эротические сны вижу каждую ночь, впору бросай всё и уезжай домой к Николаю.

С каждым днём Нина становилась печальней, она осунулась, от её прежней весёлости не осталось и следа. Чтобы развлечь подругу, Вера уговорила её поехать на экскурсию в обезьяний питомник. Взаимоотношение самца шимпанзе с его многочисленным гаремом не могло оставить никого равнодушным. Экскурсанты смеялись от души, наблюдая за повадками забав-

ных животных. Плотный белобрысый мужчина в тёмных очках иногда остроумно комментировал происходящие сцены разборок между женскими особями, чем вызывал новую волну смеха среди посетителей. Этот остряк, как бы случайно, всегда оказывался рядом с подругами. Вскоре они узнали, что весёлого мужчину зовут Борисом, а приехал он из Минска. Нина несколько раз была в этом красивом городе в гостях у старшей сестры, по этому поводу обменялись впечатлениями.

При каждой следующей встрече Борис радостно улыбался новым знакомым, пытался разговаривать молчаливую Нину.

– Вы слышали, завтра в нашем пансионате проводится вечер отдыха? – сообщил он подругам. – Так что я вас приглашаю.

– Непременно будем, – не раздумывая согласилась Вера.

На танцплощадке было многолюдно, но преобладали женщины разных ростов и возрастов. Нарядные и весёлые, они не теряли времени понапрасну и с первыми аккордами музыки вытанцовывали парами в центр веранды. Мужчины не торопились к ним присоединяться. Чаще всего низкорослые, но с большими претензиями, они придирчиво осматривали будущих кандидатов для танцев, а, возможно, для дальнейших встреч. Некоторые представительницы прекрасного пола не хотели «ждать милости от природы» и при объявлении дамского танца бежали наперегонки, чтобы пригласить приличного кавалера.

Вера появилась на веранде с группой женщин. К ней сразу подошёл Борис.

– А где Ваша неразлучная подружка?

– Если Вы о Нине, то она осталась в номере. Наверняка читает какой-нибудь роман. Она не любительница таких мероприятий, – дополнила Вера. – Но мы можем составить Вам компанию.

Борис шутливо отказался:

– Танцор из меня плохой, боюсь вас разочаровать. Пойду – прогуляюсь, пока светло, а как стемнеет, возможно, и спляшу.

Нина, услышав лёгкий стук в дверь, подумала, что это подруга вернулась, чтобы уговорить её пойти на танцы. Резко распахнув дверь, она воскликнула:

– Можешь не пытаться меня уговаривать.

В сумраке коридора она увидела Бориса и оторопела.

– Я сам до танцев не охотник. Может, пойдём к морю?

Ласкающий плеск неторопливой волны, чарующий вид моря, освещённого последними лучами заходящего солнца, располагало к покою и созерцанию.

Борис предложил искупаться, Нина молча сняла шлёпанцы, робко вошла в воду и замерла от восхищения.

– Раздевайся, а то искупаю в одежде, – весело пригрозил мужчина и плюхнулся в море.

Нина вышла из воды, сняла платье и аккуратно положила его рядом с вещами Бориса. Не спеша она окунулась, легла на спину и отдала себя на волю морской стихии. Её стройное тело то приподнималось на гребне волны, то медленно опускалось. Вдруг она почувствовала, что кто-то поднырнул и слегка коснулся рукой её талии. Конечно, это был проказник Борис. Она попыталась от него оторваться и уплыть к берегу, но он легко и быстро настиг беглянку. Недалеко от берега он обнял её своими мускулистыми руками, не желая выпускать из воды. Неожиданно Нину пронзило непреодолимое желание прижаться к мужчине всем телом, но мысль о Николае заставила её освободиться от искушения и выйти на берег. Борис, виновато улыбаясь, последовал за ней.

– Неплохо бы сейчас чайку горячего выпить, – намекнул он.

– Ну, что же, чайку так чайку, – согласилась Нина.

Как только они вошли в комнату, их охватило безумное желание. Борис страстно прижал к себе молодую женщину и начал осыпать её лицо трепетными поцелуями, Нина не сопротив-

лялась. Они слились в долгом и страстном поцелуе, но Борис не торопился и вполне владел собою. Он медленно раздевал женщину, любуясь её изящной фигурой, небольшими упругими грудями. Белокурые волосы Нины разметались по подушке, исходящий от них запах моря околдовывал мужчину. Нина подумала: «Что же он медлит? Николай давно бы завершил дело».

И вдруг – стук в дверь.

– Нина, открой! Ты что, уже спишь? – услышали они требовательный голос Веры.

– Вера, подожди, я не одна, – запнувшись, Нина добавила. – Я с Борисом.

– Тогда дай мне газету. У меня расстройство кишечника. Вернусь я через полчаса.

Нина накинула халат, приоткрыла дверь и сунула Вере в руки старую газету.

Борис оделся. Продолжать начатое – настроя уже не было.

– Неплохо здесь с тобой Борис отплясывал, – заметила Вера, вернувшись в комнату, и шутливо добавила: «Тоже мне романтики».

– Видно, бес нас попутал, – грустно заметила Нина. – Ничего у нас не было, и надеюсь – не будет. Хорошо, что ты вовремя нарисовалась со своим расстроенным кишечником.

Вера укоризненно посмотрела на подругу:

– Чем смеяться, лучше дай мне таблетку фталазола.

Нина старалась обходить Бориса стороной, но избежать встреч, отдыхая в одном пансионате, было невозможно. Да и тот барьер, что был между ними раньше, разрушился, их тянуло друг к другу. По утрам Борис навещал подруг в их излюбленном месте на пляже. Они вместе купались, играли в карты. Как-то Вера в присутствии Бориса сообщила, что собирается вечером поехать на концерт органной музыки.

Нина чувствовала, что Борис воспользуется этим шансом и зайдёт к ней. Она не ошиблась. Вечером она прислушивалась к шагам в коридоре, настраивала себя не открывать ему, но когда раздался долгожданный стук, не удержалась и дрожащей рукой повернула ключ в замке. Без лишних слов оба бросились в объятия друг друга. Нина изнемогала от продолжительных ласк любовника.

– Не торопись, Ниночка, я с тобой. Ты должна насладиться, – шептал он.

Незаметно они оказались на высочайшем гребне страсти и подошли к волшебному финалу. Нина с изумлением и нежностью смотрела на Бориса.

– Никогда я не доходила до такого экстаза. Ты вызвал во мне небывалую бурю страсти.

Борис нежно притянул её к себе, поцеловал в прикрытые веки.

– Женщина – это музыкальный инструмент, и надо научиться играть на нём, тогда будет хорошо обоим. Хотя и от партеёрши многое зависит. Ты, Нина, необыкновенная. Ведь я давно не мальчик, но таких чувственных женщин, как ты, никогда не встречал.

С этих пор они почти не расставались. Вера махнула на них рукой, не мешала им, оставляла наедине. Время расставания неотвратимо приближалось. Накануне отъезда Борис заявил:

– Нина, ты можешь считать меня сумасшедшим, но я влюбился в тебя, как мальчишка. Может быть, ты – моя судьба, ведь я никогда не был женат. Приезжай ко мне в Минск, будем жить вместе.

– Ты забыл, что я замужем, у меня двое детей.

– Твои дети будут моими детьми.

– Не могу я сейчас решиться на это. Будем писать друг другу, время покажет, что делать дальше.

– Я не тороплю тебя, любимая. Буду ждать, сколько потребуется, только не отнимай у меня надежды.

Долго смотрел Борис вслед поезду, увозящему любимую женщину.

Едва успели подруги выйти из вагона, как увидели бежавшего к ним Николая с сияющей улыбкой и огромной охапкой красных гладиолусов. Он протянул цветы жене и, нежно обнимая, поцеловал в губы.

– Ну, что ж, путешественницы, поехали домой!

Он ловко подхватил чемоданы, а женщины, с трудом протискиваясь сквозь толпу пассажиров, последовали за ним.

И вот они дома. Дети с радостью бросились в объятия матери.

– Мамоchка, я без тебя очень скучала, – пролепетала Иринка. – И больше никуда тебя не отпущу.

Девочка забралась к матери на колени и крепко прижалась к ней, Андрюша молча улыбался. Нина потрепала его по вихрастым волосам, поцеловала в щёку. Николай не мог оторвать восторженного взгляда от своей загорелой очаровательной супруги.

Нина открыла чемодан, достала из него пакеты с подарками. Дочке она привезла розовое платье с красивыми гипюровыми оборками. Для мужчин – модные летние рубашки с множеством заклёпок.

– Мамоchка, а где ракушки и камешки? – спросила Иринка, и тут же получила от матери обещанные сокровища.

Наступила ночь. Дети уже спали в своей комнате. Николай прильнул к жене, ожидая ответных ласк, но она была непривычно сдержанна.

– Что с тобой, Нинок?

– Наверное, я устала с дороги.

Она вяло отвечала на его бурные проявления чувств. Как всегда, быстро удовлетворив своё желание, он безмятежно уснул, а Нина ещё долго лежала с открытыми глазами. Противоречивые мысли одолевали её. То она хотела бежать с утра пораньше на почту и отправить Борису письмо со словами страсти и любви, то настраивала себя вычеркнуть его из своей жизни.

Николай всё же заметил перемену.

– Нина, что произошло с тобой там, на море? Ты вернулась оттуда чужая.

– Тебе просто показалось.

– Ничего не показалось, так оно и есть. Ты какая-то опустошённая. Признайся честно, у тебя кто-то был? Я тебе всё прощу, только признайся.

Немного помолчав, Нина открылась.

– Да, ты прав, Николай. Нашло на меня затмение, но это всё в прошлом, я люблю только тебя и наших детей.

Эти слова Нина говорила мужу, а письма, полные любви и страсти, посылала в Минск. Борис отвечал ей тем же, умолял приехать к нему.

Совместная жизнь с каждым днём становилась для обоих тяжёлым испытанием. Николай не смог смириться с изменой жены, упрекал её, иногда напивался с приятелями. Не раз женщина была готова всё бросить и уехать к Борису. Удерживали дети – они так любили родного заботливого отца.

Нина всё реже ходила на почту за письмами, и, наконец, решила прекратить двойную жизнь, она написала Борису прощальное письмо.

Прошло долгие пять лет. Прежние отношения с Николаем так и не наладились – они вынуждены были терпеть друг друга ради детей. Летом Нина поехала с дочерью в гости к сестре в Минск. Там она не удержалась – позвонила Борису. Услышав в трубке почти забытый голос, произнесла:

– Это я – Нина. Я в Минске.

Борис растерялся, после недолгой паузы упрекнул:

– Долго же ты собиралась приехать.

– Борис, я люблю тебя и хочу быть с тобой.

– Поздно, Нина. Я женат, у меня годовалая дочурка. Ты же мне не оставила ни малейшей надежды, – добавил он с грустью.

Нина положила трубку, слёзы медленно скатывались с её длинных ресниц.

Мечтала девочка о замках

В добрые советские времена по вечерним улицам городов расхаживали дружинники – работники предприятий с красными повязками на рукавах. За одно такое дежурство можно было и отгул заработать, заодно поболтать с коллегами в непринужденной обстановке на свежем воздухе.

Однажды, не спеша, прогуливаясь, наша дружина из десяти человек, случайно оказалась возле девятиэтажного дома, где проживала сотрудница отдела Людмила Викторовна. Кто-то из дружинников заметил подруливающую к дому чёрную Волгу.

– Наверное, французенку в гости привезли! – воскликнула Галина Петровна. – Наверное её отец взял с работы на прокат шикарную машину, чтобы встретить дорогих гостей, – дополнила она своё сообщение.

Мы всей бригадой разинули рты от изумления и замерли в ожидании дальнейших событий.

Первым из машины вышел статный, черноволосый мужчина лет тридцати. Несмотря на сгущающиеся сумерки, нетрудно было заметить необычную красоту его смуглого лица.

– С такой неординарной внешностью он мог бы поспорить со «звездами» Голливуда, – подметил кто-то из дружинниц.

Наблюдаемый нами объект открыл дверцу машины, из которой тут же выпорхнула молодая стройная женщина в рыженькой элегантной дубленке.

– Да, это точно Верочка, дочка нашей Людмилы Викторовны, приехала в гости с мужем из Франции, – подтвердила Галина Петровна.

С удивлением оглядываясь на нашу застывшую группу в красных повязках, француз, взял спутницу за руку и повел к подъезду. Перед входной дверью он нежно поцеловал Верочку в щеку, и молодая счастливая пара скрылась из нашего поля зрения.

На другой день мы забросали Людмилу Викторовну многочисленными вопросами. Она охотно согласилась рассказать необыкновенную историю своей дочери.

Верочка росла мечтательной девочкой, любила наряжаться в красивые платья матери, представляя себя сказочной принцессой, грезилась о волшебных замках. Она и внешне походила на фею из сказки: хрупкая, голубоглазая с длинными белокурыми локонами.

После окончания школы поступила в пединститут, единственное высшее учебное заведение в нашем городе, но через два года бросила, не захотела всю жизнь тянуть лямку учителя. Родители не могли ничего поделать с упрямой девчонкой. После недолгих раздумий Верочка поступила учиться на курсы французского языка в Москве.

Как-то в метро Верочка заметила группу молодых людей, говоривших по-французски. Девушка не растерялась, решила попрактиковаться. Незатейливая беседа переросла в знакомство, а позже в дружбу с одним из доброжелательных французов – Луисом. Оказалось, что ребята приехали из Франции для строительства спортивных сооружений для Олимпиады. Луис настолько увлекся красивой русской девушкой, что через пару месяцев их знакомства, предложил руку и сердце своей избраннице. Свадьбу сыграли в престижном московском ресторане за деньги жениха. Через пару месяцев молодожены оставили Россию-матушку и переехали во Францию. Из новой страны Верочка писала родителям восторженные письма, присылала фотографии, посылки с какими-то бышными одеждами, которые её мама ловко реализовывала в нашем отделе. Три года Верочка не была дома, и вот она снова в России. Все друзья и родственники поздравляли её с возвращением, расспрашивали о заграничном житье-бытье, и она с восторгом рассказывала о тамошней жизни. Некоторые вопросы мужа Веру озадачивали и даже ставили в тупик. Её родной районный город Луис почему-то считал деревней.

– Почему ваша деревенька такая грязная? – удивлялся француз. – Почему ваши мужчины отдыхают, лежа на тротуарах? – продолжал он в том же духе.

Трудно было объяснить иностранцу привычные картины советской действительности.

Людмила Викторовна быстро нашла взаимопонимание с Луисом, хотя зять не знал ни слова по-русски. Знаками и на пальцах успешно объяснялись между собой новые родственники. Кулинарные способности Луиса также вызвали восторг у тещи. Вскоре мать заметила странное поведение Веры по отношению к мужу. Дочь почему-то куксилась на него, а иногда, с очаровательной улыбкой, произносила чудовищные слова на русском языке:

– Как же ты мне надоел.

Луис улыбался в ответ, кивал головой и бормотал по-французски:

– Си, си, то есть да, да.

Людмила Викторовна страдала от двуличия дочери, ей было искренне жаль простодушного зятя, она пыталась пристыдить дочь.

– Я же пока живу с ним, что тебе еще надо? – повторяла Вера.

Через год Людмила Викторовна поехала погостить во Францию, мы с нетерпением ждали её возвращения. Много нового мы узнали об этой замечательной стране. Особенно ей понравился Париж, дочь постаралась показать ей все достопримечательности этого славного города.

Малейшие подробности жизни Верочки за границей нас тоже интересовали. С каким удовольствием и трепетом мы перелистывали каталоги, по которым можно было выбрать и купить всё: от бижутерии до современной мебели.

Верочка жила с Луисом в уютной трехкомнатной квартирке в пригороде столицы. Каждый из супругов имел собственную машину. Как мы удивлялись процессу стирки в современном стиральном автомате. Для нас такая информация тогда была на грани фантастики.

Верочка нашла друзей себе из русскоязычных девчат, по воле судьбы оказавшихся во Франции. Некоторым подругам она даже завидовала.

– Как повезло этой толстой Светке, у неё муж такой респектабельный и богатый, не то, что мой Луис.

Людмила Викторовна, как могла, старалась успокоить дочь, но та лишь горестно вздыхала.

Вдруг до нас донеслась новость, Верочка возвращается в Россию. На все наши расспросы Людмила грустно отвечала:

– Дочка разлюбила мужа.

Впоследствии оказалось – ненадолго. В родном городе жизнь после Франции казалась ей скучной и серой. Верочка решила покорить Москву, сняла квартиру недалеко от центра, попыталась устроиться на приличную работу. Не имея никакой серьезной профессии, было трудно избалованной женщине найти работу по вкусу. Пришлось ей согласиться выписывать наряды рабочим в строительной организации. Через неделю Верочка бросила это занятие, ей надоело находиться в обществе рабочих в грязных спецовках и выслушивать их нецензурный жаргон.

Незаметно пробежал год, девушка была в растерянности, всё чаще вспоминала Луиса. Муж тоже не забывал беглянку. Он посылал ей письма, полные любовных строк, заодно деньги и посылки с гостинцами и подарками, настойчиво предлагал вернуться. Верочка оценила любовь преданного супруга и снова оказалась во Франции. На этот раз чувство к Луису продержалось считанные месяцы, Верочка встретила мужчину своей давней мечты. Новый избранник, был старше Веры на пятнадцать лет, красотой не блистал, но имел богатое состояние. Луис не мог соперничать с ним, и был отправлен в окончательную отставку. Осуществилась заветная мечта Верочки, новый муж приобрел старинный замок и реставрировал его.

Людмила Викторовна так и не дождалась внуков от дочери, но в её замке побывала.

Подъехав на шикарном Мерседесе к старинному особняку, она почувствовала себя в сказочном сне и не переставала удивляться размаху Верочкиной фантазии, с которой было устроено их великолепное жилище. Современный стиль удачно сочетался с классикой. Всё здесь было для счастья: прекрасный дом, окруженный зеленым реликтовым парком, дорогие машины.

Но не чувствовала мать радости в этом доме. Невольно сравнивала молчаливого, вечно угрюмого и занятого какими-то неотложными делами нового зятя, с весёлым и непосредственным Луисом. Лишь мысль о том, что Верочка счастлива, успокаивала её.

Шапка

«Если хочешь распугать женихов, иди на танцы с Ольгой», – шутили девчонки. Всегда аккуратно причёсанная, в дорогих нарядах, девушка вызывала уважение лишь у людей пожилого возраста. Редко на губах Оли промелькнёт подобие улыбки в ответ на восторженный отзыв о её новом наряде. Обычно насупленная, с тяжёлой поступью направлялась Ольга домой после работы, хронический артрит не способствовал лёгкой походке. Мать и отец чувствовали вину перед единственной дочерью за её болезнь и всячески старались ей угодить. Никаких забот по дому девушка не знала, с огородом тоже управлялись пожилые родители. Иногда пройдёт дочь вдоль кустов малины, нарвёт горсть ароматных ягод, положит их в рот, а мать уже кричит:

– Оленька, не напрягайся! Я нарву тебе ягодок.

К тридцати годам все её подружки сумели замуж выскочить, детей нарожать, некоторые и развестись, а Оля ещё ни с одним парнем не дружила. Одна радость у неё была – работа, там она чувствовала себя большим человеком, как-никак контролёр качества продукции. Рабочие её побаивались, начальство уважало. Иной раз приходилось Ольге идти на компромисс и принимать бракованную продукцию, но без этого тоже нельзя обойтись. Нужно было решать общие производственные задачи и получать премию. Быстро выросла Ольга до мастера контрольной службы. Ей пригодился техникум, который она окончила после школы, иначе работала бы рядовым контролёром до пенсии, как её бывшая наставница Мария Степановна.

Эта простая добродушная женщина относилась к Ольге как к дочери, делилась с ней горестями и радостями, охотно рассказывала о своём тридцатилетнем сыне Толике, который всё ещё оставался в холостяках. По её словам, он был видным парнем, с престижной профессией зубного врача, а женщину, которая понравилась бы ей до сих пор не встретил.

– То разведённая попадётся с ребёнком, либо такая раскрепощённая, что сразу оставит его ночевать, – сокрушалась Мария Степановна.

– Надо быть терпеливой, – советовала Ольга. – Видимо, не встретил ещё Ваш Толик свою половину.

– Вот бы ему с такой хорошей девушкой познакомиться, как ты, – подытожила Мария Степановна. – Между прочим, у меня в следующее воскресенье день рождения, так что приглашаю и никаких возражений не принимаю.

– Да что Вы, Мария Степановна, какие возражения? С радостью принимаю приглашение.

Ольга робко нажала на кнопку звонка, дверь открыл молодой мужчина крепкого телосложения.

– Я к Марии Степановне.

– Вы, наверное, строгая начальница моей матушки? – улыбнулся парень.

– Не такая она строгая, – подошла на выручку девушке именинница.

Ольга протянула женщине букет георгин, поздравила.

– Какие великолепные цветы. Наверное, из собственного сада?

– Да, в этом году это уже последние.

Компания собралась из пожилых родственников. Мать усадила Толика рядом с Ольгой, попросила сына поухаживать за дорогой гостьей.

Парень охотно взял на себя роль тамады: наполнял бокалы шампанским, балагурил. Его остроумные шутки прерывались дружным хохотом гостей.

– Дай людям закусить, балаболка, – шутливо обратилась мать к Толику.

Незаметно праздничный вечер подошёл к концу, гости начали расходиться. Ольга предложила хозяйке помочь убрать посуду со стола, растроганная женщина с благодарностью отказалась и попросила сына проводить девушку до дома.

На улице было зябко, мелкий дождь заметно усилился. Толик раскрыл зонт, предусмотрительно взятый из дома, протянул его Ольге.

– Как же Вы? – спросила девушка.

– Ничего, не размокну. Но если не возражаете, суну свою голову к Вам под зонтик.

Ольга возражать не стала, робко взяв Толика под руку, протянула ему зонт. Идти пришлось по грязной грунтовой дороге, иной раз перепрыгивать через лужи. «Ну, и занесло меня», – подумал Толик.

– Вот мы и пришли, – девушка остановилась возле большого деревянного дома с высоким глухим забором.

– Ваш дом как бункер, – заметил Толик. – Непросто в него попасть.

– Со мной несложно. Если есть желание, заходите, заодно согреетесь.

Толик согласился, ему было интересно посмотреть, как живёт эта неразговорчивая девица, о которой все уши прожужжала ему мамаша.

Приоткрыв калитку, Ольга предупредила:

– Вы подождите, надо собаку привязать, а то она у нас чужих не любит.

– Кто же чужих любит? – засмеялся Толик, но остался на улице.

Судя по грозному рычанию, за домом находилась огромная псина. Толик быстро заскочил на крыльцо, вошёл в просторную веранду. Входная дверь приоткрылась.

– Ты, дочка, не одна? – выглянул в проёме мужчина.

– Это сын Марии Степановны. Доставил меня домой в целости и сохранности, – горделиво сообщила девушка.

Родители с радушием встретили гостя. Мать достала из серванта красивые чашки и поспешила на кухню.

– Подожди, мать, с чаем. Надо за знакомство что-нибудь покрепче выпить, – предложил отец и тут же извлёк из бара непечатую бутылку болгарского коньяка «Плиска».

Женщины пить не стали, а мужчины, опрокинув по рюмке крепкого напитка, закусили лимоном. Толик засиживаться не стал, поблагодарив хозяев, начал собираться.

– А как же чай? – забеспокоилась хозяйка.

– Спасибо, в другой раз.

– Ты, Толик, заходи к нам, – сказал на прощанье повеселевший отец, – Мы с тобой в шахматы сыграем.

– Непременно зайду, – пообещал парень.

С тех пор Толик стал желанным гостем в доме Ольги, но заходил редко. В основном мужчины беседовали о политике. Отец Ольги доказывал верность курса коммунистической партии, членом которой является многие годы, Толик был сторонником демократических перемен. Спор обычно прекращала хозяйка, приглашая всех к столу.

Кончилась дождливая осень, всё вокруг покрылось пушистым снегом. На День Советской Армии, 23 февраля, Толик получил от родителей Ольги неожиданный подарок. Это была дорогая пыжиковая шапка.

– Я не могу принять такой ценный подарок, – растерялся парень.

– Тогда нас обидишь, – настаивала Ольга.

Долго не мог уснуть в ту ночь Толик, его одолевали тяжёлые мысли. «Я становлюсь зависимым от этой семейки», – беспокоился он. Мать заметила озабоченность сына, попыталась развеять его сомнения:

– Что тебе ещё, сынок, нужно? Женись! Девка хорошая, скромная, и родители у неё обеспеченные. Будешь, как сыр в масле кататься.

Свадьбу сыграли в начале лета, и Толик переселился к новой родне. Ему понравилось жить в частном доме, возиться в огороде. Тёща с тестем не могли нарадоваться на трудолюбив-

вого зятя. Заодно он показал им своё профессиональное мастерство, обновил коронки на зубах, чем они очень гордились.

Ольга по-прежнему была немногословной, даже в минуты близости оставалась сдержанной. Толик, имеющий богатый опыт общения с женщинами, был озадачен, но работа и заботы отвлекали от мрачных мыслей. Новость о предстоящем отцовстве окрылила мятущуюся душу, вселила надежду на перемены к лучшему. Через два года Анатолий стал счастливым отцом сына и дочери, но в Ольге страстная женщина так и не проснулась.

Незаметно пролетели годы, наступила пора отправлять старшего сынишку в школу. К тому времени двухкомнатную квартиру матери Анатолий расширил, заблаговременно прописав в неё жену и детей, получил трёхкомнатную. Новое жильё всех устраивало: школа рядом, до магазинов близко. Мария Степановна радовалась и всем говорила: «Не одна на старости буду куковать». Она мечтала остаться на пенсии и присматривать за внуками, но сноха воспротивилась.

– Вам придётся, Мария Степановна, ещё поработать, – заявила она. – С детьми ничего не случится, Андрюша днём в школе, Иринка в детском саду. Нам надо ещё новую мебель купить в квартиру.

– Зачем тратить? Мебель у нас хорошая. Сервант и шифоньер я купила перед женитьбой Толика.

– Мария Степановна, что Вы такое говорите? Кто в наше время серванты имеет? Нам непременно нужна импортная стенка.

– Что ж, вам виднее. Пока есть здоровье, поработаю, – согласилась свекровь.

Вскоре Мария Степановна обнаружила, что все домашние заботы Ольга возложила на неё, Толик тоже без домашней работы не оставался. Обвешанный сумками и пакетами возвращался домой отец семейства. В социалистическую эпоху пустых прилавков, профессия зубного врача способствовала налаживанию тесных связей в мире торговли.

Всё чаще мать жаловалась Толику на усталость, намекала на пассивность Ольги в домашних делах. Сын отмалчивался, но когда у матери подскочило давление, он решился поговорить с женой.

– Так я и знала, что мать напевает тебе. То-то, я думаю, ты стал последнее время таким недовольным, – возмутилась супруга. – Моя мама никогда меня ни в чём не упрекала, делала всё сама. А я здесь не бездельничаю. Кто проверяет и готовит уроки вместе с сыном? Кто собирает Иришку в садик, а вечером гуляет с ней?

– Оля, всё это хорошо, но надо ещё обеды готовить, бельё стирать и квартиру прибрать.

– Детское бельё я иногда стираю, – возразила жена. – А пододеяльники и простыни не так трудно твоей матери в стиральную машину загрузить.

Толик прекратил бесполезный разговор, а Ольга обиделась на Марию Степановну, отвечая на её обращения односложными словами «да» или «нет».

Толик пытался наладить отношения близких ему людей и оказался «между двух огней». Он видел, как страдает мать, как вызывающе ведёт себя жена. Не раз он пытался объяснить Ольге, чтобы она помягче относилась к его матери. Результат оказался драматичным.

– Не ожидала я от Вас, Мария Степановна, что будете свекровью-разлучницей! – заявила Ольга.

– Кто же Вас разлучает? – возмутилась свекровь. – Да если бы не я, мой сын никогда на тебе не женился, и сидела бы ты до сих пор, Оля, в старых девах.

– Вот Вы до чего дошли? Начали меня оскорблять. Так знайте, больше моя нога не переступит порог этого дома. А ты, Толик, – грозно обратилась она к мужу. – Если хочешь, можешь остаться со своей грубиянкой-матерью, но учти: ни меня, ни детей ты больше не увидишь!

Никакие уговоры не помогли, семья сына вместе с новой мебелью переехала в дом родителей Ольги. Квартира Марии Степановны опустела.

Несмотря на запреты жены, Анатолий украдкой навещал свою мать. Кто-то из знакомых рассказал Ольге о визитах мужа.

На следующий день в его кабинет зашла работница регистратуры.

– Анатолий Михайлович, Вас к телефону – сообщила она.

– Кто меня спрашивает?

– Какая-то женщина. Сказала, что она мать ваших детей.

Толик ухмыльнулся, подошёл к телефону и услышал:

– Если ты ещё раз зайдёшь после работы к своей матери, то можешь к нам не возвращаться.

Мужчина в ярости бросил трубку.

Мария Степановна корила себя за размолвку с Ольгой, не спала ночами – думала, как исправить ошибку. Вдруг её осенило – сходить домой к снохе и поздравить её с днём рождения. С красивым букетом цветов и большой коробкой конфет появилась женщина в доме сватов. Ольга тут же закрылась в туалете.

– Оленька, поздравляю тебя с днём рождения! – проговорила Мария Степановна возле закрытой двери.

Не получив ответа, женщина жалобно проговорила:

– Оля, ты уж прости меня, что я тебя обидела. Сама не знаю, как я такое сморозила.

Сноха молчала. Не помогли уговоры её родителей. Два часа просидела непреклонная Ольга в добровольном заточении, пока свекровь не покинула дом. Анатолий вышел на улицу вслед за матерью.

– Мама, ну что я могу сделать? Знаю, характер у Ольги противный, я давно бы с ней развёлся, да детей жаль.

– Да, сынок, ты прав. Детям нужен отец. Я как-нибудь и одна проживу. Мне не привыкать.

ЭПИЛОГ

Через год матери Анатолия не стало – она покинула этот мир от инсульта. К пятидесяти годам поседевшая Ольга могла передвигаться только с помощью палочки. Анатолий располнел, взор лучистых глаз потух. Трудно было узнать в нём когда-то беззаботного, весёлого парня.

Если женщина просит

Когда Павел Кораблёв вышел из кабинета главного редактора магаданской газеты, его лицо украшала широкая гордая улыбка. Сотрудники, впрочем, и не заметили бы радости молодого новенького журналиста, если бы не весельчак Лёша, корреспондент спортивного отдела.

– Никак тебе, Паша, предложили творческую командировку на швейную фабрику, где большинство ударных работниц – молодые симпатичные девчата?

– Не угадал, – важно ответил парень. – Полечу в тундру к оленеводам.

– К оленеводам – это хорошо. Да, и оленина вкусная. Только прихвати с собой что-нибудь спиртное, а то народ этот не больно разговорчивый.

Сборы в дорогу были недолгие, но к совету коллеги по перу Паша прислушался и засунул в рюкзак пару бутылок чистого спирта.

Впервые в жизни Паша совершал перелёт не на современном быстрокрылом лайнере, а на маленьком самолёте АН-2.

Аннушку, так называли самолёт местные жители, трясло, как самосвал на грунтовой разбитой после ливневого дождя дороге. Сначала Паша пытался не замечать дискомфорт и с любопытством поглядывал в окно на бесконечные просторы тундры, а к концу полёта уже радовался, что не успел позавтракать. Два часа, проведённые в воздухе, показались Павлу вечностью. Когда он покинул самолёт и, шатаясь, спустился на землю, то увидел группу нарядно разодетых смуглых чукчей. Они радостно улыбались, приветственно махали руками. Павел был тронут благодушным приёмом, и, несмотря на усталость, пытался улыбнуться. Потом он заметил, что местные жители встречают с таким же азартом и интересом всех немногочисленных пассажиров. Самолёт прилетал раз в неделю, а встречать людей с большой земли было любимым занятием местных жителей.

– Ты – корреспондент из Магадана? – обратился к Павлу темноволосый, приземистый мужчина в черной кожаной куртке.

– Да, он самый.

– А я – Коля, личный шофёр председателя нашего сельсовета. Я подброшу тебя до нашей гостиницы, а завтра по утру отвезу к моему начальнику Кузьме Ивановичу.

После нескольких минут езды на стареньком «газике» Павел оказался возле небольшого, покосившегося от времени деревянного строения, из которого тотчас же показалась худощавая пожилая чукчанка. Молча, но с доброй улыбкой она проводила гостя в его комнату. Паша чуть было не споткнулся о ведро с водой, стоявшее на табуретке у входа.

– Это зачем здесь? На случай пожара? – пытался пошутить парень.

Чукчанка, подвинув к ведру железный таз, предложила умыться с дороги.

– А где тут туалет? – застенчиво спросил Павел.

– На улице, сзади гостиницы, – ответила женщина и с той же улыбкой удалилась из комнаты.

Нужное заведение долго искать не пришлось. Это был обычный выгребной туалет типа сортира. Справив нужду, Павел услышал снизу подозрительное рычание – из выгребной ямы на него смотрела пара зелёных сверкающих глаз. Парень, не успев подтянуть брюки, опрометью выскочил наружу. «Вот почему яма пустая», – догадался он, увидев двух здоровых собак, покинувших туалет с противоположной стороны.

Утро было серое, прохладное. Выпив крепкого чая с бутербродами, Павел взбодрился, и в предвкушении великих событий вышел на улицу. Ждать шофёра не пришлось, его машина уже стояла возле крыльца.

– Может, сразу отвезёшь в бригаду оленеводов? – предложил Павел.

– Так не пойдёт, – смущённо заулыбался Коля. – Мой начальник хочет на тебя посмотреть.

Кузьма Иванович оказался на редкость разговорчивым человеком. Он успевал задавать вопросы, выслушивать ответы и тут же рассказывать о жизни посёлка.

– Всё у нас в развитии, – любил повторять он. – Дети чукчей учатся, становятся образованными, получают профессии.

– Кто останется пасти оленей, если все они выучатся? – любопытно спросил корреспондент.

– Пока хватает желающих и оленей пасти. У многих это уже семейная традиция. Да, кстати, чукчи народ открытый и вежливый. Иногда ведут себя как дети. Обижать их грех, – дополнил Кузьма Иванович своё сообщение.

– Я же не собираюсь их обижать, и наслышан об их простодушии.

– Да, много анекдотов про них ходит, – улыбнулся Кузьма Иванович. – В анекдотах чукчи такие беспомощные. На самом деле всё по-другому. Здесь, в суровой обстановке, выжить, поверь, не так просто. Нужна сила и сообразительность. Кстати владеешь ли ты оружием?

– Конечно. Я же в армии отслужил целых три года, – гордо заявил Павел.

– Это хорошо. И тебе, кстати, пригодится, – подчеркнул председатель сельсовета. – По технике безопасности положено при поездке в тундру иметь при себе оружие. Сейчас выдам тебе боевой карабин с оптикой. Пока есть время, пойдём на окраину посёлка, потренируешься.

Через пару часов подъехал вездеход. Сделав последнее напутствие водителю, Кузьма Иванович попрощался и пожелал отъезжающим счастливого пути. До стоянки оленеводов ехать пришлось почти целый день. Павел с интересом рассматривал непривычный пейзаж. Широкие просторы тундры кое-где прерывались редким смешанным лесом, голубые сопки разнообразили скудный ландшафт. Вдалеке показались яранги – временные жилища пастухов-олeneводoв. Павел вздохнул с облегчением – далёкое путешествие приблизилось к финалу. Навстречу гостям выбежали любопытные ребятишки и звонко лающие собаки, степенно выходили из яранг взрослые. Водитель представил Павла жителям. Оленеводы с уважением посмотрели на корреспондента, приветливо заулыбались. Решено было поселить Павла в палатке биологов, которые прибыли из Москвы для изучения оленьих пастбищ. Несмотря на усталость, Павел с удовольствием принял участие в вечерних посиделках у искрящегося костра. После утомительной дороги есть не хотелось, но запах сваренной в огромном котле оленины возымел действие, и Павел с удовольствием разделил трапезу. Звёздное небо, прозрачный вечер, огонь костра не располагали к многословию. Павел предложил выпить немного спиртного за знакомство и принёс угощение. Присутствующие с радостью его поддержали. Рядом с корреспондентом разместилась седая морщинистая чукчанка. Она с удовольствием проглотила горячительный напиток, и, улыбаясь беззубым ртом, с умилением поглядывала на Пашу.

– А кровь мешать будем? – обратилась к корреспонденту старушка.

– Будем-будем, – шутливо произнёс парень и добавил в железную кружку соседке спиртного.

Бабуля засияла от радости и теснее прижалась к Паше. Один из биологов, услышав опрометчивый ответ корреспондента, объяснил ему, каких интимных утех ждёт от него старая чукчанка. Парень замер от неожиданности, и с испугом посмотрел на резвую старушку.

– Я сейчас поговорю с чукчанкой и всё улажу. А ты иди быстренько в нашу палатку и отдыхай, – распорядился биолог.

Как только Павел отошёл от костра, старушка неожиданно поднялась со скамейки и поспешила вслед за ним. Пришлось парню вернуться и снова занять место рядом с биологом.

– Да, резвая старушенция, – констатировал учёный. – Придётся попросить бригадира объяснить ей, что ты пошутил.

После разговора с бригадиром, чукчанка успокоилась, но поглядывала с укором на несговорчивого корреспондента.

Кавалер по вызову

По всем признакам появившийся у нас дома котёнок был котом, и назвали мы его Тимофеем. Пока это рыжее, пушистое создание оставалось в стадии детства, проблем не было, за исключением порванных штор и обоев. Мы понимали, что все эти напасти временны. Мол, Тимошка повзрослеет, поумнеет, и тогда наступит покой.

Через несколько месяцев Тимофей почувствовал себя взрослым и завопил. Его душевнораздирающие вопли сопровождались прыжками и кувырканиями по полу. Одна наша знакомая, увидев такое представление, уверенно поставила диагноз Тимошке, что он вовсе не кот, а кошка. Мотивировала она тем, что её Мурка регулярно устраивает подобные концерты, когда требует кота.

Ну, кошка так кошка. Имя мы ей быстро изменили на Тинку. Теперь надо было её успокоить, но существовал в этот момент один способ – найти подходящего кавалера. Выбор пал на кота Маркиза, который несколько лет проживал у наших родственников. Это был матёрый кот, закоренелый холостяк, никогда не знавший кошек. Встретил он нашу Тиночку недружелюбно, свирепо завыл и загнал её, дрожащую всем тельцем, за книжный шкаф. Пришлось невесту выручать и нести домой, «не солону хлебавши». Два дня кошка вела себя спокойно, видимо, пребывала в шоке после знакомства с Маркизом. И вдруг снова завывала. Соседка, проживающая в квартире напротив, посоветовала нам потерпеть.

– Подумаешь, кота ей надо, – сказала она, с укором глядя на кошку. – Мы вон с взрослой дочерью давно без мужиков живём. И ничего, терпим.

Про наши проблемы прослышала другая соседка и предложила в помощники своего кота.

– Наш Барсик, хоть и в годах, но своё дело туго знает. Его приглашают к кошкам во всей округе, – заверила она.

Другого выбора не было, пришлось согласиться. Барсик, несмотря на солидный возраст, выглядел импозантно. Это был крупный пушистый кот с чёрно-белым окрасом. Оказавшись в чужом доме, он не растерялся. Как будто бы зная, что от него ждут, уверенно направился к кошке.

Тинка была явно озадачена. Видимо, горький опыт общения с Маркизом припомнился ей. Испугавшись возможной агрессии, она опрометью скрылась в соседней комнате. Но Барсик не растерялся, догнал беглянку, схватил крепко за холку и уверенно, с большим профессионализмом взялся за дело. И только к вечеру влюблённые притомились от бурных оргий. Уставившись друг на друга томным взглядом, они тихо сидели, будто размышляя, продолжать ли дальше. Мы решили, что достаточно. Оправдавшему наши надежды кавалера с благодарностью вернули соседям и успокоились, но ненадолго. На следующий день Тинка вновь завопила. Она мяукала так жалобно и протяжно, что я не выдержала и пошла к соседям за их питомцем. На этот раз они воспротивились.

– Барсик всю ночь напролет донимал нас своими воплями, – пожаловались они. – Прогнали его на балкон, чтобы охладить разбушевавшуюся в нём страсть, – добавили они сердито.

После долгих уговоров я всё же выпросила кота. Это свидание стало для новоиспеченных любовников завершающим, несмотря на призывные крики Тинки.

Прошло время, кошка успокоилась, стала хорошо кушать и много спать. По её округлившимся бокам было понятно, что она ждёт потомство. Ближе к предполагаемому сроку родов я приготовила ей ложе из большой обувной коробки.

Роды принимать мне, к счастью, не пришлось, кошка сама справилась. Произошло всё неожиданно. Выхожу я вечером из ванной комнаты, а у дверей стоит Тинка с ввалившимися боками и жалобным мяуканьем призывает идти за ней. Она медленно подошла к коробке и остановилась в нерешительности. Там копошились четверо слепых, беспомощных котят.

Трое из них были чёрно-бело-рыжие и один ярко-рыжий. Кошка ласково тёрлась о мои ноги, как бы доверяя мне судьбу своего первого потомства.

Вскоре у котят открылись глазки, но они всё ещё держались возле юной мамы и с наслаждением посасывали молочко. Рыжий котенок был самым бойким. Он первым начал выпрыгивать из коробки вслед за кошкой, которой время от времени надо было подкрепиться. Рыжик громко и настойчиво пищал, призывая мать вернуться. Иногда она возвращалась, брала котенка за холку и приносила его ко мне на кухню. Поместив крикуна в центре комнаты, Тинка начинала ходить за мной по пятам. Она заглядывала мне в глаза, как будто пытаясь донести до меня смысл своего маневра: мол, накорми меня, а потом я успокою своего детёныша. Впрочем, не всякая пища её устраивала, только свежая рыбка действовала безотказно. Наевшись вдоволь, она тут же разваливалась возле Рыжика, а тот с жадностью хватался за сосок. Долго она его не баловала, через пару минут направлялась к остальным котяткам. Рыжик, попискивая и переваливаясь с боку на бок, следовал за ней.

С каждым днём котята взрослели, пришла пора отнимать их от матери. Рыжика забрали соседи напротив, и я могла частенько навещать своего бывшего питомца. Трёхшерстных котят я раздавала своим знакомым. Одного из них мне вернули на следующий день: не мог он самостоятельно кушать из блюда и жалобно кричал всю ночь от голода. Тинка с радостью приняла дитя обратно, и тот быстро успокоился. Неделью спустя, котенок вновь поселился у новых хозяев и радовал их своим весёлым нравом. Когда он подрос – превратился в красивую пушистую кошку Мурзилку с необычайно красивыми изумрудными глазами.

Как можно ревновать к солнцу?

Любовь к «звездам» – явление нередкое. Проявляется она по-разному: от тихого созерцания до шумных восторгов по поводу и без. С представителем страстных поклонников мне довелось познакомиться.

Устроившись на работу в технический отдел одного небольшого предприятия в эпоху развитого социализма, я обратила внимание на одного сотрудника. Мужчина средних лет, в поношенном пиджаке и в старых стоптанных ботинках без шнурков, обожал известную эстрадную певицу Эдиту Пьеху. Сергей Петрович, так звали нашего героя, неустанно, на протяжении десятилетий следил за творчеством полюбившейся ему певицы. Он собирал и коллекционировал статьи, написанные о ней, её фотографии.

Любовь к кумиру вдохновила его на стихотворное творчество, много поэтических строк посвятил и отправил Петрович звезде эстрады тех лет.

Эдита Станиславовна не могла оставить без внимания преданного поклонника и несколько раз присылала ему свои фотографии с личными автографами. Петрович пребывал на седьмом небе от счастья и всем без устали рассказывал о предмете своего обожания. Все мысли крутились вокруг Эдиты. Он не пропускал ни одного её концерта. Многие часы на работе он тратил на изучение программ телерадиовещания, чтобы отметить время предстоящих трансляций её выступлений и своевременно отправлять заявки в разные программы на исполнение песен Пьехой.

Рабочее место Сергея Петровича напоминало экспозицию личного музея известной певицы. На столе красовались статьи о ней и её фотографии. Стены кабинета, где работал страстный воздыхатель, были обвешаны плакатами с изображениями Эдиты в разные периоды её творчества.

Портрет Владимира Ильича Ленина терялся на фоне импозантных видов эстрадной звезды. Такую шокирующую несправедливость заметил и осудил секретарь парторганизации предприятия товарищ Рожков. Он потребовал немедленно освободить вождя пролетариата от оков Пьехи. С начальством не поспоришь. Скрепя сердце, пришлось Петровичу подчиниться, и Ильич был освобожден от нежелательного соседства.

Однажды Сергей Петрович решил организовать поездку сотрудников отдела в Москву на концерт певицы. Нашлись желающие составить ему компанию. Одна коллега не поддержала затею Петровича, мотивируя свой отказ нелюбовью к голосу Пьехи.

– Она же не поёт, а трубит, – воскликнула опрометчивая женщина.

– Таких, как ты, Волкова, надо убивать и штабелями складывать! – рассердился не на шутку преданный поклонник.

На встречу с певицей Сергей Петрович прибыл в непривычном для нас образе. Подтянутый, в элегантном тёмно-синем костюме, в зеркально-начищенных туфлях, он представлял полную противоположность тому жалкому инженеру, которого мы привыкли лицезреть на работе. Что делает с человеком любовь! – подумали мы с восхищением.

Эдита Пьеха в своих ярких, воздушных нарядах и с лучезарной улыбкой на устах, не могла разочаровать преданного воздыхателя. Петрович не отрывал восторженного взгляда от своего кумира.

Когда прозвенел звонок, известивший публику о начале антракта, мы опрометью побежали в буфет, чтобы подкрепиться и заодно полакомиться деликатесами в виде бутербродов с чёрной икрой и красной рыбой.

Осилив длинную очередь в буфете, мы с инженером Шишкиной, стояли возле столика и с наслаждением поглощали лакомства, не обращая внимания на второй звонок. Пробежавший мимо нас Петрович, гневно воскликнул:

– Вы что жрать, что ли сюда приехали?

После завершения концерта он, как на крыльях, взлетел на сцену с огромным букетом чудесных алых роз. Галантно поцеловав руку певице, Петрович преподнёс ей цветы с новым поэтическим посланием и горделиво спустился в зрительный зал.

Со своим кумиром страстный поклонник не расставался даже на отдыхе. Куда бы он ни отправлялся, всегда брал с собой грампластинки и фотографии обожаемой Эдиты.

Как-то, отдыхая в санатории в Крыму, Сергей Петрович надумал порадовать отдыхающих концертом Пьехи. Находчивый поклонник написал красочные объявления и развесил их по всей территории зоны отдыха. В назначенное время наш герой расположился в фойе и ожидал слушателей. Увидев вместо известной певицы мужичка с патефоном, народ уходил, явно разочарованный.

Однажды мы спросили Петровича, не ревнует ли его жена к Пьехе. Он возмущённо ответил:

– Как можно ревновать к солнцу?

Эх, Вася!

Время неумолимо летит вперёд. Мне уже за сорок, взрослый и самостоятельный сын, интересная и ответственная работа, а на личном фронте – одни пробелы и в перспективе надвигающаяся одинокая старость.

Такие мысли всё чаще стали беспокоить меня и, наконец, я созрела, чтобы найти себе спутника жизни.

Сочинив красочное объявление, в котором предлагала заботу и плечо для поддержки одинокому мужчине, я направилась в редакцию местной газеты. Редактором оказалась милостивая, отзывчивая женщина – Светлана Евгеньевна, знакомая с подобными проблемами. Она посоветовала мне не терять времени на ожидание публикации собственного объявления, а посмотреть серию брачных анонсов в их газете. Выбор был скромным, и я умудрилась выудить только одного подходящего кандидата.

Претендент по имени Василий не заставил себя долго ждать, и как снег на голову, свалился на порог моей квартиры без приглашения. Это был мужчина средних лет с сияющими, но уже выцветшими голубыми глазами, в спортивной шапочке набекрень, маскирующей рано появившиеся залысины. Он неловко переступал с ноги на ногу, невольно демонстрируя свеженачищенные для такого случая, но уже изрядно изношенные башмаки. На просьбу рассказать о себе, Василий охотно откликнулся. Он долго, с неподдельной горечью в голосе, рассказывал о неудавшихся браках и двух детях, с которыми он разлучен, и как бывает в таких случаях, корил бывших жен за несостоявшиеся семейные отношения. В его лице было столько страдания, что невольно хотелось прижать его голову к своей груди и рыдать вместе с ним над тяготами одинокой и неустроенной жизни. Внезапно между нами возникло чувство взаимопонимания, а уж после принятого по такому случаю бокала вина и нечто похожее на дружбу.

Встречи становились всё чаще и продолжительней и вскоре дошли до той черты, когда Вася не стал скрывать основное своё увлечение в жизни – любовь к горячительным напиткам. Заметив, что этого увлечения я не разделяю, он загрустил, его выразительные глаза потускнели. Как будто бы в нём происходила борьба между пагубной привычкой и страхом потерять налаживающиеся со мной добрые отношения.

Я старалась помочь ему сделать правильный выбор. Мы ходили на концерты, посещали выставки, не забывали природу.

Тем временем, моё объявление было опубликовано. Телефон редакции разрывался от многочисленных звонков претендентов.

– Никогда не думала, что в нашем городе так много мужчин, желающих прислониться к женскому плечу, – смеялась редакторша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.